

INSPIRIA

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

*Мать. Героиня. Лгунья. Убийца...
Кто она?*

КАРИН СЛОТЕР

18+

«Лучший триллер года».

Daily Express

INSPIRIA

Карин Слотер
Осколки прошлого
Серия «Ток. Карин Слотер:
триллеры от мастера жанра»
Серия «Осколки прошлого», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68477381
Осколки прошлого: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-177141-6

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР NEW YORK TIMES.
ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНОГО БЕСТСЕЛЛЕРА
«ХОРОШАЯ ДОЧЬ».
ЭКРАНИЗАЦИЯ NETFLIX.

Что делать, если любимая мама вдруг оказывается для тебя незнакомкой? И все, что о ней известно, – лишь осколки из ее темного прошлого...

Андреа Оливер думает, что знает о своей матери все. У Лоры никогда не было от нее секретов: живет тихой и счастливой жизнью в маленьком прибрежном городке Белль-Айл, работает логопедом и дружит со всеми соседями.

По крайней мере, такой ее всегда знала Андреа – спокойной, заботливой и жизнерадостной.

Но все меняется, когда на них жестоко нападают в кафе. Лора совершает то, чего дочь и представить себе не могла, – спокойно расправляется с нападающим.

Неужели мама способна на такое хладнокровие и жестокость? Как будто стала совершенно другим человеком.

Так и есть. Почти тридцать лет Лора скрывалась от себя прежней, затаилась в надежде, что ее никто и никогда не найдет. И вот она разоблачена. Теперь им обоим грозит опасность, но Лора отказывается говорить с дочерью.

Андреа придется самой, по кусочкам, раскрыть секреты прошлого матери, чтобы спасти их обоих. И время ее на исходе...

Яркий и провокационный триллер о разрушительных тайнах, способных разбить привычную жизнь на маленькие осколки, и о том, на что мы готовы пойти ради тех, кого любим.

«Лучший триллер года». – *Daily Express*

«Неизменно популярная писательница Карин Слотер возвращается с новым романом, где в центре событий оказываются запутанные отношения между матерью и дочерью». – *Entertainment Weekly*

«Триллер от одной из самых дерзких и уверенных писательниц современности». – *Тесс Герритсен*, автор бестселлеров

«Я последую за Карин Слотер куда угодно». – *Гиллиан Флинн*, автор романа «Исчезнувшая»

«Карин Слотер, благодаря своему умению заглянуть в самую суть, будет держать вас в напряжении с первой страницы и до последней». — *Камилла Лэкберг*

«Потрясающая писательница на пике своих возможностей!» –
Питер Джеймс

«Интригующая история, где постепенно раскрываются не только персонажи, но и их тайны». – *Guardian*

Содержание

Пролог	8
20 августа 2018 года	10
1	10
2	40
3	86
4	122
5	157
6	169
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Карин Слотер

Осколки прошлого

Посвящается моим ребятам с Парада

*Я – никто. А ты – тоже таков?
Значит, нас пара таких чудаков.
Но – тсс, ни слова об этом:
не то нас осудят всем светом.*

*Как тошно быть важной особой,
и весь шонь, не устав,
твердить свое имя болотам
к восторгу млеющих жаб¹.*

Эмили Дикинсон

Karin Slaughter
PIECES OF HER

Copyright © 2018 by Karin Slaughter. All rights reserved.

Published by arrangement with Harper, an imprint of
HarperCollins Publishers

© Масленникова Т., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

* * *

Дорогие читатели,

Случалось ли вам смотреть на человека, которого вы знаете лучше всех на свете, и спрашивать себя: а что на самом деле скрыто у него внутри? Действительно ли он тот, кем кажется?

Меня всегда поражало, что наша жизнь зачастую держится на секретах и лжи, и поэтому главный вопрос этой книги таков: можно ли знать кого-то целиком и полностью?

Надеюсь, вам понравится,

Карин Слотер

Пролог

Долгие годы – даже тогда, когда она его еще любила, – какая-то часть ее ненавидела его, как по-детски ненавидишь то, что не можешь контролировать. Он был упертым, тупым и привлекательным, что компенсировало чертову тучу ошибок, которые он постоянно совершал. Причем одних и тех же ошибок, снова и снова. Действительно, зачем браться за новые, если старые прекрасно работали на него?

А еще он был очаровательным. В этом и заключалась проблема. Он мог очаровать ее. Потом вывести из себя. Потом снова очаровать, так что она уже не понимала, был ли он змеем или змеей была она, а он был заклинателем.

Так что он плыл по волнам своего очарования и своей жестокости, причиняя людям боль, и находил себе новые увлечения, оставляя обломки прежних за бортом.

А потом внезапно его чары перестали работать. Трамвай сошел с рельсов. Поезд остался без машиниста. Ошибки стали непростительными, и в конечном счете было уже невозможно закрыть глаза на повторную оплошность, а та же оплошность, допущенная в третий раз, повлекла за собой тяжкие последствия: чья-то жизнь оборвалась, был подписан смертный приговор, что в результате едва не привело к потере еще одной жизни. Ее жизни.

Как она могла по-прежнему любить того, кто пытался ее

уничтожить?

Пока она оставалась с ним – а она еще очень долго по собственной воле оставалась с ним, когда он уже катился по наклонной, – они вместе боролись против системы. Приюты. Неотложки. Интернаты. Лечебницы для душевнобольных. Грязь. Сотрудники, которым наплевать на пациентов. Санитары, которым только дай потуже затянуть ремни смиренных рубашек. Медсестры, которые делают вид, что их это не касается. Доктора, которые раздают таблетки направо и налево. Моча на полу. Экскременты на стенах. Запертые вместе, больные злобствуют, терзаются, кусаются и дерутся.

Но по-настоящему его воспаляли не окружающие несправедливости, а яркие искры ярости. Новизна очередного дела. Возможность что-то изничтожить. Угроза насилия. Обещание славы. Их имена в свете огней. Праведные деяния на устах школьников, которые будут изучать их на занятиях, посвященных великим преобразованиям.

«Пенни, никель², десятицентовик, четвертак, долларовая купюра...»

Но кое-что она скрывала, в одном прегрешении никогда не могла признаться: первую искру зажгла она.

Она всегда верила – страстно, с глубокой убежденностью, – что единственный способ изменить этот мир – это его уничтожить.

² В США с 1866 г. выпускаются монеты достоинством пять центов, на 75 % состоящие из меди, а на 25 % – из никеля. (Прим. пер.)

20 августа 2018 года

1

– Андреа, – начала ее мать. Затем, исполняя просьбу, которую до этого слышала примерно тысячу раз, поправила себя: – Энди.

– Мам...

– Дай мне сказать, дорогая. – Лора сделала паузу. – Пожалуйста.

Энди кивнула, готовясь к лекции, которую ждала уже давно. Сегодня ей официально стукнул тридцать один год. Ее жизнь находится в стагнации. Ей нужно начать самой принимать решения, вместо того чтобы позволять жизни принимать их за нее.

Тут Лора сказала:

– Это моя вина.

Энди почувствовала, как ее крепко сжатый рот раскрывается от удивления.

– Что твоя вина?

– Что ты здесь. Заперта здесь, как в ловушке.

Энди развела руками, показывая на дайнер³.

³ Тип ресторана быстрого обслуживания, характерный для Северной Америки.

– В «Райз-энд-Дайн»?

Взгляд матери проделал путь от макушки Энди к ее рукам, которые снова нервно гуляли по столу. Грязные каштановые волосы убраны в небрежный хвост. Темные круги под усталыми глазами. Ногти обкусаны до мяса. Косточки на запястьях выступают, словно корабельные носы. Ее кожа, обычно бледная, теперь приобрела цвет воды из-под сосисок.

Ее рабочая одежда даже не входила в перечень несовершенств. Темно-синяя форма висела на Энди, как мешок. К карману пришит жесткий нагрудный знак серебристого цвета – герб Белль-Айл с пальмой, окруженный надписью: «Диспетчерская служба полиции». Вроде полицейская, но на самом деле нет. Вроде взрослая, но не совсем. Пять ночей в неделю Энди вместе с четырьмя другими женщинами сидит в темной отсыревшей комнатухе, отвечает на звонки по телефону 911, проверяет номера автомобилей и водительских прав и присваивает коды новым делам. А потом, примерно в шесть часов утра, она крадучись возвращается в дом своей матери и спит большую часть дня.

– Мне вообще не стоило позволять тебе сюда возвращаться, – сказала Лора.

Энди сжала губы. Она уставилась на остатки яичных желтков в своей тарелке.

– Моя милая девочка. – Лора потянулась к ее руке на другом конце стола, ожидая, пока она поднимет взгляд. – Я вы-

дернула тебя из твоей жизни. Мне было страшно, и я думала только о себе. – На глаза матери навернулись слезы. – Это неправильно – так сильно в тебе нуждаться. Я не должна была так много у тебя просить.

Энди замотала головой. Она снова вернулась к своей тарелке.

– Дорогая.

Энди продолжала мотать головой, потому что единственной альтернативой было заговорить, а это значило сказать правду.

Мать не просила ее вообще ни о чем.

Три года назад Энди шла к своему дерьмовому четырехэтажному дому без лифта в Нижнем Ист-Сайде, ужасаясь перспективе провести еще одну ночь в однокомнатной халупе, которую она делила с тремя другими девушками, ни одна из которых ей особенно не нравилась. Все они были моложе, симпатичнее и большего достигли. Тогда и позвонила Лора.

– Рак груди. – Лора не шептала и не подбирала слова, а перешла сразу к делу в своей обычной спокойной манере. – Третья стадия. Хирург удалит опухоль, после чего, пока я буду под наркозом, проведет биопсию лимфатических узлов, чтобы оценить...

Лора продолжала говорить о том, что ее ждет, несколько отстраненно углубившись в научную специфику, которая прошла совсем мимо Энди, чьи способности обрабатывать вербальную информацию моментально атрофирована-

лись. Она лучше расслышала слово «грудь», чем «рак», и тут же представила роскошный бюст матери. Впихнутый в скромный закрытый купальник на пляже. Выглядывающий из декольте на тематическом шестнадцатом дне рождения Энди, где все должны были одеться как персонажи «Гордости и предубеждения». Заключение под мягкими чашечками и выступающими косточками ее «ЛедиКомфорт Бра», когда она сидела на кушетке в своем кабинете и работала с пациентами, страдающими нарушениями речи.

Лора Оливер не выглядела секс-бомбой, но она всегда была, как выражаются мужчины, очень хорошо сложена. Или, может, так выражались женщины – когда-то в прошлом веке. Лора была не из тех, кто всегда носит макияж и жемчуг, но она не могла выйти из дома, если ее короткие седые волосы не были аккуратно уложены, льняные брюки не были накрахмалены до хруста, а нижнее белье не было чистым и не держало форму.

Энди обычно с трудом удавалось покинуть квартиру. Ей постоянно приходилось за чем-то возвращаться: за телефоном или за пропуском на работу, а однажды даже за кроссовками, потому что она вышла из дома в тапочках.

Когда люди в Нью-Йорке спрашивали Энди, какая у нее мама, она всякий раз вспоминала, что Лора говорила о собственной матери: «Она всегда знала, где лежит крышка от каждой кастрюли».

Энди было лень даже закрыть сумку на молнию.

Лора порывисто втянула воздух, и на расстоянии в более чем тысячу километров только этот звук в телефонной трубке выдал, как ей непросто.

– Андреа?

Слух Энди, полный нью-йоркского шума, снова сфокусировался на голосе матери.

Рак.

Энди попыталась прочистить горло. Но не смогла издать ни звука. Это был шок. Это был кошмар. Это был неконтролируемый страх, ведь мир внезапно перестал вращаться, и все неудачи, разочарования, ужасы жизни Энди в Нью-Йорке за последние шесть лет отступили, словно их снесло огромной волной цунами. То, что никогда не должно было выйти на свет, вдруг открылось.

У ее матери рак.

Возможно, она умирает.

Возможно, она умрет.

Лора продолжила:

– Так вот, затем химиотерапия, которая, конечно, будет тяжелой во всех отношениях. – Она давно привыкла заполнять продолжительные паузы в разговорах с Энди, хорошо зная, что попытки насильно их прервать скорее закончатся ссорой, чем продолжением цивилизованной беседы. – Потом мне нужно будет каждый день принимать таблетку, и на этом все. Коэффициент выживаемости на протяжении пяти лет – более семидесяти процентов, так что волноваться тут особо

не о чем, кроме того, как через все это пройти. — Последовала новая пауза, в течение которой она восстанавливала дыхание, а может, надеялась, что Энди уже готова говорить. — Это очень хорошо лечится, дорогая. Я не хочу, чтобы ты волновалась. Не надо никуда ехать. Ты тут ничего не можешь сделать.

Резко прозвучал сигнал автомобиля. Энди подняла глаза. Она стояла, как статуя, посреди пешеходного перехода. Она попыталась сдвинуться с места. Телефон у ее уха нагрелся. Было за полночь. Пот стекал по ее спине и сочился из-под мышек, как топленое масло. Она слышала искусственный сериальный смех из телевизора, звон бутылок и безвестный пронзительный крик о помощи, какие она научилась заглушать у себя в голове в первый же месяц жизни в Нью-Йорке.

С ее стороны трубки было чересчур тихо. Наконец ее мать предприняла еще одну попытку:

— Андреа?

Энди открыла рот, не решив, какие слова должны из него прозвучать.

— Дорогая? — сказала мать, оставаясь все такой же спокойной, все такой же бесконечно *приятной*, какой она была со всеми, с кем ей доводилось иметь дело. — Я слышу шум улицы, иначе я подумала бы, что связь прервалась. — Она опять сделала паузу. — Андреа, мне правда нужно, чтобы ты поняла то, что я тебе говорю. Это важно.

Рот Энди по-прежнему был открыт. Запах канализации,

характерный для ее района, прилепился к ее носоглотке, словно переваренные спагетти, которые кто-то швырнул в кухонный шкафчик. Раздался еще один громкий автомобильный сигнал. Еще одна женщина позвала на помощь. Еще одна капля пота скатилась у Энди по спине и впилась в пояс ее трусов. Резинка была прорвана в том месте, куда попал ее палец, когда она их стягивала.

Энди до сих пор не могла вспомнить, как ей удалось заставить себя выйти из ступора, но она помнила слова, которые наконец сказала матери:

– Я еду домой.

Ей было особо нечем похвастаться после шести лет в большом городе. С трех своих работ на полставки Энди уволилась эсэмэсками. Проездной для метро отдала бездомной, которая поблагодарила ее, а потом проскрипела, что она – чертова шлюха. В чемодан Энди положила только самое необходимое: любимые футболки, поношенные джинсы, несколько книг, которые пережили не только путешествие из Белль-Айл, но и пять переездов из одной квартиры в другую, с каждым разом все более паршивую. Дома Энди не понадобились бы ни перчатки, ни дутая зимняя куртка, ни пушистые наушники. Она не потрудилась постирать свои простыни или даже снять их со старого дивана со спинкой, который служил ей кроватью. Она отправилась в аэропорт Ла-Гуардия с первыми лучами рассвета, меньше чем через шесть часов после звонка матери. В мгновение ока жизнь Энди в

Нью-Йорке закончилась. Трем более молодым и успешным соседкам на память о ней остались наполовину съеденный рыбный бургер в холодильнике и ее часть арендной платы за следующий месяц.

Это было три года назад – почти половина того срока, что она прожила в Нью-Йорке. Энди не хотела этого, но в тоскливые минуты она проверяла профили своих бывших соседак в Фейсбуке⁴. Они были для нее мерилom. Ее инструментом для самобичевания. Одна пробилась в менеджеры среднего звена в модном блоге. Другая запустила дизайнерскую фирму по индивидуальному пошиву кроссовок. Третья умерла от передозировки кокаином на яхте какого-то богача, и все же порой, когда Энди ночами отвечала на звонки, а на другом конце провода оказывалась двенадцатилетка, которой казалось забавным позвонить 911 и сообщить о выдуманных домогательствах, она не могла отделаться от мыслей, что так и осталась самой большой неудачницей.

На яхте, господи боже мой.

На *яхте*.

– Дорогая? – Мать постучала по столу, чтобы привлечь ее внимание. Толпа, пришедшая пообедать, рассасывалась. Мужчина, сидевший напротив с газетой, одарил ее гневным взглядом. – Ты где?

⁴ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

Энди снова развела руками, оглядываясь вокруг себя, но этот жест получился вымученным. Они обе прекрасно знали, где она была: менее чем в десяти километрах оттуда, где начинала.

Энди поехала в Нью-Йорк в надежде, что сможет найти свой шанс блистать, но света от нее было столько же, сколько от старого запасного фонарика, забытого в кухонном ящике. Она не хотела быть актрисой или моделью – никаких обычных клише. Звездная жизнь никогда не была ее мечтой. Она стремилась быть приближенной к звездам: девушкой, приносящей кофе, личной ассистенткой, организатором проб, художницей по декорациям, эсэмэшницей, кем-то из обслуживающего персонала, чья поддержка делала жизнь звезд возможной. Ей хотелось греться в лучах славы, оставаясь в тени. Быть в центре событий. Знакомиться с людьми. Налаживать связи.

Ее преподаватель в Колледже искусств и дизайна в Саванне казался полезным знакомством. Она поразила его своей страстью к искусству – во всяком случае, так он утверждал. То, что он сказал это, когда они были в постели, дошло до Энди уже потом. Когда она покончила с этой интрижкой, он воспринял ее невнятную болтовню о том, что она хочет сосредоточиться на работе, как угрозу. Прежде чем Энди поняла, что происходит, прежде чем она смогла объяснить ему, что не собирается использовать его весьма неподобающее поведение как рычаг для продвижения своей карьеры,

он потянул за кое-какие ниточки и обеспечил ей должность – ассистентки помощника художника по декорациям в постановке одного офф-бродвейского театра⁵.

Офф-бродвейского!

Пройти чуть дальше – вот уже и *бродвейского!*

Энди оставалось два семестра до получения диплома по технической специальности в театральном искусстве. Но она собрала чемодан и только махнула рукой через плечо, отправляясь в аэропорт.

Спустя два месяца шоу закрыли после лавины разгромных рецензий.

Все члены команды быстро нашли себе другую работу, перешли в другие постановки, кроме Энди, которая погрузилась в реальную нью-йоркскую жизнь. Она была официанткой, выгуливала собак, рисовала вывески, обзванивала должников по кредитам, работала курьером, проверяла работу факсов, делала сэндвичи, подавала бумагу в копировальную машину, не состоя при этом в профсоюзе, и вот она – та сучка-неудачница, которая оставила недоеденный рыбный бургер в холодильнике и деньги за месяц аренды на столешнице и сбежала в Зажопинг, штат Джорджия, или откуда она там.

На самом деле единственное, что Энди привезла домой, –

⁵ Офф-бродвейские, или внебродвейские, театры – этим профессиональным термином обозначают сценические площадки в Нью-Йорке вместимостью от 100 до 499 зрителей; по своим размерам эти театры меньше бродвейских. (Прим. пер.)

это крошечные остатки собственного достоинства, с которыми она сейчас должна была расстаться по милости своей матери.

Она оторвала взгляд от яиц.

– Мам. – Она прочистила горло, прежде чем сделать признание. – Я люблю тебя за то, что ты это говоришь, но это не твоя вина. Ты права в том, что я захотела вернуться домой, чтобы увидеть тебя. Но осталась я по другим причинам.

Лора нахмурилась.

– По каким причинам? Тебе нравился Нью-Йорк.

Она ненавидела Нью-Йорк.

– У тебя там все так хорошо получалось.

Она катилась на самое дно.

– Тот мальчик, с которым ты встречалась, был так тобой увлечен.

Как и каждой вагиной в своем доме.

– У тебя было столько друзей.

Никто из них не выходил на связь с тех пор, как она уехала.

– Что ж. – Лора вздохнула. Приободряющий список оказался короток, да и составлен был наугад. Как всегда, она читала Энди как открытую книгу. – Малышка, ты всегда хотела быть не такой, как все. Быть кем-то особенным. Я имею в виду, как человек с определенными дарованиями, с необычным талантом. Разумеется, для меня и папы ты и так особенная.

Энди с трудом заставила свои глаза не закатиться.

– Спасибо.

– Но ты и *правда* талантлива. Ты смышленная. Ты больше, чем смышленная. Ты *умная*.

Энди провела ладонями вверх и вниз по лицу, будто пытаясь стереть его, чтобы не участвовать в этом разговоре. Она знала, что она талантливая и умная. Проблема в том, что в Нью-Йорке все талантливые и умные. Даже парень за стойкой в магазине на углу был смешнее, сообразительнее и умнее, чем она.

Лора продолжала настаивать:

– Нет ничего плохого в том, чтобы быть обычным. Жизнь обычных людей обладает огромным смыслом. Посмотри на меня. Быть довольным собой – не значит предать себя.

Энди произнесла:

– Мне тридцать один, я не ходила на настоящее свидание уже три года, я должна шестьдесят три тысячи долларов по кредиту на образование, которое я не получила, и я живу в комнате над гаражом своей матери. – Воздух с трудом прошел через ноздри Энди, когда она попыталась вдохнуть. Оглашение этого длинного списка сковало ее грудь железным обручем. – Вопрос не в том, что еще я могу сделать. Вопрос в том, где еще я могу облажаться.

– Ты не облажалась.

– Мам...

– У тебя появилась привычка к дурному настроению.

Можно привыкнуть ко всему, особенно к плохому. Но единственный путь сейчас – это вверх. Нельзя упасть с пола.

– А о подвалах ты когда-либо слышала?

– У подвала тоже есть пол.

– Обычно это земля.

– Но *землей* иногда называют и *пол*.

– Земля – это скорее «сыра земля».

– Почему тебе постоянно надо впадать в такую мрачность?

Энди почувствовала внезапный приступ раздражения, который мог превратить ее язык в острое лезвие. Но она его проглотила. Они больше не могли спорить про комендантский час, слишком яркий макияж или узкие джинсы, так что темы их препирательств обновились. Есть ли у подвала пол? В какую сторону вешать туалетную бумагу? Класть вилки в посудомойку зубьями вверх или вниз? Называть тележку в магазине тележкой или каталкой? И, наконец, спор о том, что Энди неправильно называет кота Мистер Мякинс, хотя на самом деле его зовут Мистер Мяукинс.

– Я на днях работала с пациентом, и произошла крайне странная вещь, – сказала Лора.

Головокружительная смена темы была одним из их старых и проверенных способов достижения перемирия.

– Так странно... – вновь закинула удочку Лора.

Энди засомневалась, но потом кивнула, чтобы она продолжала.

– Он пришел с афазией Брока. Паралич правой стороны.

Лора была лицензированным специалистом по нарушениям речи и жила в прибрежном городке для пенсионеров. Большинство ее пациентов пережили тот или иной удар, порвавший их здоровье.

– В прошлой жизни он был компьютерщиком, хотя не думаю, что это имеет значение.

– Так что же такого странного случилось? – спросила Энди, разыгрывая свою роль.

Лора улыбнулась.

– Он рассказывал мне о свадьбе своего внука, и я понятия не имела, что он хотел сказать, но вышло что-то похожее на «блю суэйд шуз»⁶. И у меня прямо встал перед глазами – знаешь, как вспышка, – тот день, когда умер Элвис.

– Элвис Пресли?

Она кивнула.

– Это был семьдесят седьмой, мне тогда было четырнадцать, так что мне больше нравился Род Стюарт, чем Элвис. Ну так вот. У нас в церкви были такие очень консервативные тетеньки с огромными прическами, и они все глаза выплакали, что его больше нет.

Энди улыбнулась той натянутой улыбкой, которая обычно демонстрирует, что ты чего-то недопонимаешь.

Лора точно так же улыбнулась в ответ. Химия в мозгах. А ведь с последнего курса лечения прошло уже много времени.

⁶ Речь идет о песне Элвиса Пресли «Blue suede shoes». (Прим. пер.)

Она забыла, что хотела рассказать.

– Просто вспомнила забавную вещь.

– Видимо, тетки с прическами были теми еще ханжами? – попыталась расшевелить ее память Энди. – Элвис же был очень горяч, да?

– Это неважно. – Лора похлопала ее по руке. – Я так благодарна за то, что ты есть. За те силы, которые ты придала мне, когда я болела. За близость, которая по-прежнему есть между нами. Я очень ценю это. Это дар. – Ее голос начал дрожать. – Но теперь мне лучше. И я хочу, чтобы ты жила своей жизнью. Я хочу, чтобы ты была счастлива или, если тебе это не удастся, чтобы ты примирилась с собой. И я не думаю, что ты сможешь сделать это здесь, малышка. Мне бы очень хотелось упростить тебе задачу, но в то же время я понимаю, что ничто не поможет, если ты не возьмешься за дело сама.

Энди посмотрела в потолок. Посмотрела на пустой торговый центр. Наконец она посмотрела на мать.

У Лоры в глазах стояли слезы. Она покачала головой, будто испытывала благоговейный трепет.

– Ты великолепна. Ты это знаешь?

Энди выдавила из себя смешок.

– Ты великолепна, потому что ты абсолютно неповторима. – Лора прижала руку к сердцу. – Ты талантливая, и ты красивая, и ты найдешь свой путь, милая, и это будет правильный путь, несмотря ни на что, потому что эту дорогу ты

наметишь себе сама.

Энди почувствовала комок в горле. Ощутила, что тоже вот-вот заплачет. Между ними повисла тишина. Она слышала, как по ее венам несется кровь.

– Так. – Лора рассмеялась. Это тоже был старый проверенный способ снизить эмоциональный градус момента. – Гордон считает, что я должна дать тебе крайний срок для переезда.

Гордон. Отец Энди. Он был юристом по вкладам и недвижимости. Вся его жизнь состояла из крайних сроков.

– Но я не собираюсь ставить тебе крайние сроки или какие-то ультиматумы.

Ультиматумы Гордон тоже любил.

– Я хочу сказать, если это твоя жизнь, – она указала на квазиполицейскую униформу, которая вырослила Энди, – то примиришься с ней. Прими ее. А если ты хочешь делать что-то другое, – она сжала руку дочери, – делай что-то другое. Ты все еще молода. Тебе не надо выплачивать ипотеку или даже страховку за машину. У тебя есть здоровье. Ты смышленная. Ты свободна делать все, что хочешь.

– С моим долгом за образование – не думаю.

– Андреа, – сказала Лора, – я не хочу делать никаких страшных пророчеств, но если ты продолжишь вот так бессмысленно ходить по кругу, то довольно скоро осознаешь, что тебе сорок и что ты ужасно устала от бардака в своей жизни.

– Сорок, – повторила Энди. Чем ближе она была к этому возрасту, тем меньше он ассоциировался у нее с дряхлостью.

– Как говорит твой отец...

– Делай свои дела или слезай с горшка. – Гордон всегда учил Энди двигаться, искать себе полезное применение, *делать что-то*. Довольно долго она винила именно его в своей апатичности. Когда оба твоих родителя – деятельные, целеустремленные люди, то лень становится формой бунта, верно? А легкий путь упрямо и неизменно выбираешь потому, что трудный путь просто такой... трудный?

– Доктор Оливер? – спросила пожилая женщина. То, что она прервала интимную беседу матери с дочерью, казалось, ускользнуло от ее внимания. – Я Бетси Барнард. Вы работали с моим отцом в прошлом году. Я просто хотела сказать спасибо. Вы творите чудеса.

Лора встала, чтобы пожать женщине руку.

– Очень мило, что вы так говорите, но он сделал все сам. – Она плавно перешла в режим, который Энди про себя называла «Исцеляющая доктор Оливер», и начала задавать общие вопросы об отце женщины, очевидно, не вполне понимая, о ком идет речь, но прилагая ощутимые усилия, чтобы женщина так и осталась в неведении.

Лора кивнула в сторону Энди.

– Это моя дочь, Андреа.

Бетси продублировала ее кивок, на секунду продемонстрировав интерес. Она сияла под ласкающими лучами вни-

мания Лоры. Все любили ее мать, неважно, в каком режиме она находилась: терапевт, друг, предприниматель, раковый пациент, мать. Она отличалась какой-то неутомимой добротой, которая при этом не казалась слащавой благодаря ее остроумной, а порой и язвительной манере общения.

Время от времени, обычно после пары бокальчиков, Энди могла продемонстрировать те же качества незнакомцам, но, когда они узнавали ее поближе, мало у кого возникало желание продолжать общение. Наверное, в этом и был секрет Лоры. У нее были десятки, даже сотни друзей, но все они знали лишь какую-то ее часть.

– О! – чуть ли не закричала Бетси. – Я хочу, чтобы вы тоже познакомились с моей дочкой. Уверена, Фрэнк все вам о ней рассказал.

– Конечно, Фрэнк рассказывал. – Энди уловила облегчение на лице матери: она действительно забыла имя того мужчины. Лора подмигнула Энди, на мгновение переключившись обратно в режим «Мама».

– Шелли! – Бетси неистово замахала своей дочери. – Подойди, познакомься с женщиной, которая помогла спасти дедушкину жизнь.

Очень симпатичная молодая блондинка понуро побрела к ним. Она смущенно стягивала вниз длинные рукава своей кофты с символикой Университета Джорджии. Белый бульдог на ее груди был в традиционной красной майке. Очевидно, она была в ужасе от сложившейся ситуации, нахо-

дьясь в том возрасте, когда ты и знать не хочешь о матери, если только тебе не нужны деньги или сочувствие. Энди прекрасно помнила, как работает этот возвратно-поступательный принцип. Частенько она ощущала, что не так далеко ушла от него, как хотелось бы. Общеизвестна истина, что мать – единственный человек в мире, который может сказать: «Твои волосы сегодня прекрасно выглядят», а ты услышишь: «Твои волосы всегда выглядят отвратительно, кроме этого единственного коротенького момента времени».

– Шелли, это доктор Оливер. – Бетси Барнард по-хозяйски взяла дочь под руку. – Шелли собирается в Университет Джорджии этой осенью. Да, милая?

– Я тоже училась в Университете Джорджии, – сказала Лора. – Конечно, это было в те времена, когда мы делали записи на каменных табличках.

Ужас Шелли поднялся на пару градусов выше, когда ее мать чересчур громко рассмеялась над этой бородатой шуткой. Лора попыталась сгладить ситуацию, вежливо задав девушке несколько вопросов про ее специализацию, ее мечты и устремления. Это было такое проявление любопытства, которое в юности воспринимается почти как публичное оскорбление, но с возрастом понимаешь, что только вопросы такого типа взрослые могут спокойно задать подростку.

Энди посмотрела на свою полупустую кофейную чашку. Она чувствовала себя до крайности уставшей. Ночные смены. Она никак не может привыкнуть к ним и справляется

только потому, что весь день превращает в одну долгую дремоту. В итоге ей приходится таскать арахисовое масло и туалетную бумагу из кладовки матери, потому что сама она никак не дойдет до магазина. Видимо, именно поэтому Лора настояла, чтобы они отпраздновали ее день рождения за обедом, а не за завтраком, что позволило бы Энди вернуться в свою пещеру над гаражом и заснуть перед телевизором.

Она допила остатки кофе, который оказался таким холодным, что обжег заднюю стенку ее горла, словно колотый лед. Она поискала глазами официантку. Девушка уткнулась носом в телефон и сгорбилась. Надула и лопнула пузырь из жвачки.

Энди подавила приступ стервозности и встала из-за стола. Чем старше она становилась, тем труднее ей было бороться с порывами, которые превращали ее в собственную мать. С другой стороны, Лора, как правило, давала хорошие советы. «Стой прямо, а то в тридцать будет болеть спина». «Носи хорошую обувь, а то в тридцать будешь расплачиваться за плохую». «Привыкай вести себя разумно, а то в тридцать будешь расплачиваться за свою глупость».

Энди был тридцать один. И она так дорого расплачивалась, что была, по сути, банкротом.

- Вы коп? – официантка наконец оторвалась от телефона.
- Театральная специальность.

Девушка сморщила нос.

- Не понимаю, что это значит.
- Как будто я понимаю.

Энди налила себе еще кофе. Официантка не переставая на нее поглядывала. Возможно, это было из-за формы, похожей на полицейскую. Девушка выглядела как одна из тех, у кого в сумочке вполне может заваляться экстази или по крайней мере пакетик с травкой. Энди и сама настороженно относилась к форме. Работу ей нашел Гордон. Она так поняла, что он надеялся на ее последующее вступление в ряды полиции. Сначала эта мысль отталкивала Энди, поскольку ей казалось, что копы – плохие ребята. Потом она познакомилась с парой настоящих копов и поняла, что в основном это порядочные люди, которые пытаются делать действительно паршивую работу. Затем она год поработала диспетчером и возненавидела весь мир, потому что две трети звонков поступали от дураков, которые не понимали значение слова «экстренный».

Лора все еще беседовала с Бетси и Шелли Барнард. Энди видела подобные сцены, разыгранные по ролям, бесчисленное количество раз. Они толком не знали, как им достаточно любезно раскланяться, а Лора была слишком вежлива, чтобы их спровадить. Вместо того чтобы вернуться к своему столу, Энди подошла к панорамному окну. Дайнер был расположен в угловой части первого этажа белль-айлского молла, вид отсюда открывался отличный. За дощатым променадом вздымался готовящийся к шторму Атлантический океан. Люди выгуливали собак или катились на велосипедах вдоль плоской ленты утрамбованного песка.

Белль-Айл не был ни «белль», то есть красивым, ни, тех-

нически, «айл», то есть островом. По сути, это был рукотворный полуостров, возникший, когда Инженерные войска США осушили порт Саванны в восьмидесятых. Предполагалось, что новый массив суши будет необитаем и послужит естественной преградой для ураганов, но власти штата увидели в новой прибрежной зоне денежную выгоду. В течение пяти лет осушения более половины получившейся территории было залито бетоном: пляжные особняки, таунхаусы, кондоминиумы, торговые центры. Остальное пространство заняли теннисные корты и поля для гольфа. Вышедшие на пенсию северяне днями напролет играли на солнце, пили мартини и звонили 911, когда мусорные баки их соседей оставались на улице слишком долго.

«Господи», – прошептал кто-то тихо и язвительно, но в то же время с оттенком удивления.

Что-то в воздухе изменилось. По-другому это описать было нельзя. Тонкие волоски на загривке Энди встали дыбом. По спине пробежал холодок. Ее ноздри раздулись. Во рту пересохло. Глаза заслезились.

Послышался звук, как будто кто-то открыл банку.

Энди обернулась.

Ручка кофейной чашки выскользнула из ее пальцев. Она проследила за ней до самого пола. Белые керамические осколки разлетелись по белой плитке.

До этого стояла зловещая тишина, но теперь начался хаос. Крики. Плач. Люди бежали пригнувшись, закрывая головы

руками.

Выстрелы.

Бах-бах.

Шелли Барнард лежала на полу. На спине. Руки раскинуты. Ноги подогнуты. Глаза широко раскрыты. Ее красная кофта казалась мокрой и как будто липла к груди. Из ее носа текла кровь. Энди смотрела, как тонкая красная линия спускается по ее щеке к уху.

На ней были сережки с маленькими бульдожками.

– Нет! – взвыла Бетси Барнард. – Н...

Бах.

Энди видела, как из горла женщины брызнула и ручьем полилась кровь.

Бах.

Череп Бетси с треском раскрылся, как пластиковый пакет.

Она боком упала на пол. Прямо на свою дочь. Свою мертвую дочь.

Мертвую.

– Мама, – прошептала Энди, но Лора уже бежала к ней, вытянув вперед руки и сильно согнув колени. Ее рот был раскрыт. Ее глаза расширились от страха. Красные точки рассыпались по ее лицу, как веснушки.

Затылок Энди ударился о стекло, когда Лора стянула ее на пол. Она ощутила поток воздуха, идущий изо рта матери, когда от столкновения у нее сбилось дыхание. Перед глазами Энди все плыло. Она слышала треск. Она посмотрела

наверх. Стекло прямо над ней пошло трещинами.

– Пожалуйста! – закричала Лора. Она перевернулась, встала на колени, затем на ноги. – Пожалуйста, остановись.

Энди моргнула. Она потеряла кулаками глаза. Ей чем-то резануло веки. Грязь? Стекло? Кровь?

– Пожалуйста! – громко крикнула Лора.

Энди снова моргнула.

Потом опять.

Мужчина целился из пистолета в грудь ее матери. Не из полицейского пистолета, а из револьвера, как на Диком Западе. Выглядел он соответствующе: черные джинсы, черная рубашка с жемчужными пуговицами, черный кожаный жилет и черная ковбойская шляпа. На его бедрах низко висел оружейный ремень с кобурой и длинными кожаными ножнами для охотничьего ножа.

Красивый.

Лицо молодое, совсем без морщин. Возраста Шелли, может, немного старше.

Но Шелли мертва. Она не будет учиться в Университете Джорджии. Она больше никогда не придет в ужас от своей матери, потому что ее мать тоже мертва.

А теперь человек, который убил их обеих, целится из пистолета в грудь ее матери.

Энди села.

У Лоры была только одна грудь – левая, над сердцем. Хирург удалил правую, и Лора пока не делала операцию по вос-

становлению, потому что не могла вынести мысли о том, чтобы идти к очередному врачу и проходить очередную процедуру. И теперь этот убийца стоял перед ней и собирался всадить туда пулю.

– М-м... – Слово застряло у Энди в горле. Она могла произнести его только у себя в голове.

Мама.

– Все в порядке. – Голос Лоры был спокойным и ровным. Она держала руки перед собой, будто могла поймать ими пулю. Она сказала парню: – Теперь можешь уходить.

– Иди на хер. – Его взгляд метнулся к Энди. – Где твой ствол, мразь легавая?

Все тело Энди крепко сжалось. Она почувствовала, как съезживается в маленький комочек.

– У нее нет пистолета, – ответила Лора все тем же твердым голосом. – Она секретарь в полицейском участке. Она не коп.

– Вставай! – крикнул он Энди. – Я вижу твою нашивку! Вставай, свинья! Делай свою работу!

– Это не нашивка, – сказала Лора. – Это просто эмблема. Не надо нервничать.

Она делала плавные движения ладонями – так она приглаживала одеяло Энди, когда укладывала ее спать в детстве.

– Энди, послушай меня.

– Меня слушайте, хреновы суки! – Из рта парня брызнула слюна. – Поднимайся, легавая дрянь. Ты следующая.

– Нет. – Лора преградила ему путь. – Я следующая.

Он сверкнул глазами в сторону Лоры.

– Застрели меня. – Лора говорила с невозмутимой уверенностью. – Я хочу, чтобы ты застрелил меня.

Недоумение сменило маску гнева на его лице. Он такого не планировал. Люди должны были дрожать от страха, а не выступать добровольцами.

– Застрели меня, – повторила она.

Он взглянул поверх плеча Лоры на Энди, потом снова на нее.

– Давай, – сказала Лора. – У тебя остался всего один патрон. Ты это знаешь. В барабане всего шесть патронов. – Она подняла руки и показала четыре пальца на левой и один – на правой. – Поэтому ты до сих пор не нажал на курок. Остался всего один патрон.

– Ты не знаешь...

– Только один. – Она выставила большой палец, который обозначал шестой патрон. – Когда ты застрелишь меня, моя дочь убежит отсюда. Правильно, Энди?

Что?

– Энди, – продолжила ее мать, – мне нужно, чтобы ты убежала, дорогая.

Что?

– Он не сможет перезарядить настолько быстро, чтобы выстрелить в тебя.

– Что за хрень?! – закричал парень, пытаясь вернуть себе

прежнюю ярость. – Стоять смирно! Обе!

– Энди. – Лора сделала шаг в сторону стрелка. Она хромала. Ее льняные брюки прорвались и по ним текла кровь. Из них торчало что-то белое, похожее на кость. – Послушай меня, милая.

– Я сказал не двигаться!

– Беги через дверь на кухне. – Голос Лоры оставался твердым. – Там сзади выход.

Что?

– Стой здесь, сука! Обе!

– Ты должна мне верить, – сказала Лора. – Он не успеет перезарядить.

Мам.

– Вставай. – Лора сделала еще один шаг вперед. – Я сказала, вставай.

Мам, нет.

– Андреа Элоиз, – она использовала свой Материнский голос, не Мамин голос. – Вставай. Сейчас же.

Тело Энди задвигалось самопроизвольно. Левая ступня на пол, правая пятка вверх, пальцы касаются земли. Бегун на старте.

– Стоять! – Парень перевел пистолет на Энди, но Лора сдвинулась вместе с ним. Он дернул его обратно, Лора дернулась туда же, закрывая Энди своим телом.словно щитом заслоняя ее от последней пули.

– Застрели меня, – сказала Лора. – Ну, давай.

– Хрена тебе.

Энди услышала щелчок.

Взвелся курок? Боек ударил в патрон?

Она зажмурила глаза и закрыла голову руками.

Но дальше ничего не было.

Ни выстрела. Ни крика боли.

Ни звука, с которым ее мать замертво падает на землю.

Пол. Земля. Сыра земля.

Энди замерла, когда снова подняла глаза.

Парень расстегнул ножны охотничьего ножа.

Он медленно вытаскивал его.

Пятнадцать сантиметров стали. Зазубренный с одной стороны. Заостренный с другой.

Он убрал пистолет в кобуру и перекинул нож в рабочую руку. Кончик был направлен не вверх, как если бы это был столовый нож, – он был направлен вниз, как когда собираешься нанести удар.

– Что собираешься с ним делать? – спросила Лора.

Он не ответил. Он ей показал.

Два шага вперед.

Нож взмыл, а потом метнулся вниз, к сердцу ее матери.

Энди была парализована, слишком напугана, чтобы тихо лечь и спрятаться от всего этого, слишком потрясена, чтобы что-то сделать, а не просто смотреть, как умирает ее мать.

Лора выставила руку, словно хотела остановить нож. Он вонзился прямо в центр ее ладони. Вместо того чтобы скор-

читься от боли или закричать, Лора обхватила пальцами рукоятку ножа.

Борьбы не последовало. Убийца был слишком ошарашен.

Лора вырвала нож из его сжатой руки, хотя длинное лезвие по-прежнему было воткнуто в ее кисть.

Он отступил.

Он смотрел на нож, торчащий из ее руки.

Одна секунда.

Две секунды.

Три.

Он будто только вспомнил о пистолете. Его правая рука потянулась к бедру. Пальцы обхватили рукоятку. Серебром сверкнуло дуло. Он подставил левую руку под рукоятку, готовясь отправить последнюю пулю в сердце ее матери.

Без единого звука Лора размахнулась и всадила лезвие ему в шею.

Послышался хруст, словно мясник отрезал кусок говяжьей туши.

Этот звук эхом разнесся по всем углам помещения.

Парень с трудом вдохнул. Его рот раскрылся, будто у рыбы на крючке. Глаза округлились.

Тыльная сторона ладони Лоры все еще была пришпилена к его шее, так и оставшись между лезвием и рукояткой.

Энди видела, как двигаются ее пальцы.

Послышался щелчок. Пистолет задрожал в воздухе, когда он попытался поднять его.

Лора что-то проговорила, но это было скорее рычание, чем слова.

Он продолжил поднимать пистолет. Попытался прицелиться.

Лора выдернула лезвие, разрезав его горло спереди.

Кровь, сухожилия, хрящи.

Никаких брызг и капель, как до этого. Из его разрезанной глотки хлынуло, как из лопнувшей дамбы.

Его черная рубашка стала еще чернее. Жемчужины на его пуговицах приобрели разные оттенки розового.

Первым упал пистолет.

Потом он рухнул на колени. Потом ударился об пол грудью. Потом головой.

Энди смотрела в его глаза, когда он падал.

Он был уже мертв, когда его тело коснулось земли.

2

Когда Энди была в девятом классе, она по уши влюбилась в мальчика по имени Клетус Лараби, которого все называли Клит, хотя больше в шутку. У него были кудрявые темные волосы, он умел играть на гитаре и был первым в классе по химии, так что Энди пыталась учиться игре на гитаре и делала вид, что тоже увлекается химией.

Именно таким образом она умудрилась оказаться на школьной научной ярмарке: Клит туда записался, и Энди тоже.

Она ни разу в жизни не перекинулась с ним и словом.

Никто тогда не задался вопросом, разумно ли подпускать девочку-подростка из драмкружка, которая с трудом сдавала естественно-научные дисциплины, к селитре и горелке, но по прошествии времени стало понятно, что доктор Финни, видимо, решила закрыть на это глаза, обрадовавшись, что Энди заинтересовалась чем-то, кроме искусства пантомимы.

Отец Энди тоже пришел в восторг от этих новостей. Гордон ходил с ней в библиотеку, где они читали книжки про инженерное дело и устройство ракет. Он заполнил анкету на получение карты постоянного покупателя в местном магазине для хобби. За ужином он вслух зачитывал буклеты Американской ассоциации ракетостроения.

Когда Энди оставалась дома у своего отца, Гордон в гара-

же работал со своим шлифовальным блоком, придавая форму оперению и носовому конусу, в то время как Энди сидела на скамейке рядом и зарисовывала свои идеи для сопла.

Энди знала, что Клит любит группу «Гу Гу Доллс», потому что у него на рюкзаке был их стикер, так что она начала раздумывать о том, чтобы труба ракеты выглядела как стимпанковый⁷ телескоп из их клипа «Айрис», потом подумала прикрепить к ней крылья, потому что песня «Айрис» была в фильме «Город ангелов», потом она решила, что разместит сбоку портрет Николаса Кейджа в профиль, потому что он был в этом фильме ангелом, а потом решила, что ей стоит нарисовать Мег Райан, ведь это было для Клита, а ему, пожалуй, Мег Райан гораздо интереснее Николаса Кейджа.

За неделю до выставки Энди пришлось вывалить перед доктором Финни все свои записи и фотографии, чтобы убедить ее, что она действительно сделала всю работу сама. Она как раз раскладывала свои сомнительные доказательства на учительском столе, когда в класс вошел Клит Лараби. Энди пришлось крепко сцепить руки, чтобы они не так дрожали, когда Клит остановился посмотреть на фотографии.

– Мег Райан, – сказал Клит. – Я выкупил. Гори, чертова сучка, да?

Энди почувствовала, как тонкая струйка холодного воз-

⁷ *Стимпанк* (англ. steampunk) – направление научной фантастики, выросшее в отдельную субкультуру со своим эстетическим кодом; характеризуется использованием образов механических и паровых машин и стилизацией под эпоху викторианской Англии в сочетании с фантастическими сюжетами. (*Прим. пер.*)

духа прорывается через ее разомкнутые губы.

— Моя подружка любит этот дурацкий фильм. Ну, с ангелами. — Клит показал ей стикер на своем рюкзаке. — Они написали эту дерьмовую песню для саундтрека, прикинь. Вот почему я ношу этот стикер: чтобы напоминал мне никогда не продавать свое искусство за деньги, как эти педики.

Энди не сдвинулась с места. Она не могла сказать ни слова.

Подружка. Дурацкий. Дерьмовую. Прикинь. Педики.

Энди вылетела из кабинета доктора Финни без своих записей, без книг и даже без сумки. Она прошла через кафетерий и воспользовалась запасным выходом, дверь которого всегда была приоткрыта, чтобы местные сотрудницы могли выйти покурить за мусорным контейнером.

Гордон жил в трех километрах от школы. Был июнь. Джорджия. Побережье. Когда Энди дошла до его дома, она полностью обгорела на солнце и насквозь промокла от собственного пота и слез. Она взяла ракету с Мег Райан и две тестовые ракеты с Николасом Кейджем и бросила их в мусорный бак во дворе. Затем полила их бензином. И бросила спичку в бак. А потом она очнулась, лежа на спине на подъездной дорожке Гордона, потому что сосед поливал ее из садового шланга.

Со свистом взвившийся огонь опалил Энди брови, ресницы, челку и даже волосы в носу. Звук от взрыва был такой мощный, что у Энди из ушей пошла кровь. Сосед начал

кричать прямо ей в лицо. Его жена, работавшая медсестрой, подбежала к ней и явно пыталась что-то сказать, но единственное, что Энди слышала, — это тонкий звук, будто руководитель хора выдает одну-единственную ноту на своем камертоне.

И-и-и-и-и-и-и-и...

Энди слышала Звук и ничего, кроме Звука, целых четыре дня.

Просыпаясь. Пытаясь заснуть. Принимая ванну. Идя на кухню. Сидя перед телевизором. Читая записки, которые ее родители судорожно царапали на маркерной доске.

Мы не понимаем, что с тобой не так.

Вероятно, это временно.

Не плачь.

И-и-и-и-и-и-и-и...

Это было почти двадцать лет назад. Энди никогда особо не вспоминала о взрыве вплоть до этого момента и вспомнила только потому, что Звук вернулся. Когда она его снова услышала — или когда она это осознала, — она стояла посреди дайнера рядом со своей матерью, сидевшей на стуле. На полу лежали три мертвых человека. На земле. Черная рубашка убийцы стала еще чернее. Красная кофта Шелли Барнард — еще краснее. Нижняя часть лица Бетси Барнард свисала клочьями мускулов и сухожилий.

Энди оторвала взгляд от тел. Снаружи дайнера стояли люди. Покупатели из торгового центра с фирменными пакета-

ми из магазинов и стаканами из кофеев. Некоторые из них плакали. Некоторые делали фотографии.

Энди почувствовала давление на своей руке. Лора с трудом пыталась развернуть свой стул спиной к зевакам. Каждый момент словно заклинивало в поле зрения Энди, будто она смотрела старый кукольный мультфильм. Рука Лоры дрожала, пока она пыталась перевязать свою кровоточащую ногу скатертью. Белая штука, торчавшая из брюк, оказалась не костью, а осколком фарфора. Лора была правой, но нож, торчащий из ее левой руки, все равно не давал ей возможности перевязать ногу. Она обращалась к Энди и, видимо, попросила о помощи, но все, что Энди слышала, был Звук.

– Энди, – сказала Лора.

И-и-и-и-и-и-и-и...

– Андреа.

Энди внимательно смотрела на рот своей матери, пытаясь понять, слышит ли она слова или считывает их по губам: они были настолько знакомы, что мозг обрабатывал их скорее как услышанные, чем как увиденные.

– Энди, – повторила Лора. – Помоги мне.

Эта фраза к ней пробилась. Еле слышная просьба, будто ее мать говорила через длинную трубу.

– Энди. – Лора схватила обе ее руки в свои. Ее мать скрючилась на стуле. Ей явно было очень больно. Энди присела на колени. Она начала завязывать скатерть.

Затягивай ту же...

Вот что посоветовала бы Энди человеку, в панике позволившему в диспетчерскую: *Не бойтесь сделать ей больно. Затяните ткань настолько туго, насколько сможете, чтобы остановить кровотечение...*

Все было по-другому, когда это твои руки затягивают ткань. Совсем по-другому, когда боль, которую ты видишь, отражается на лице твоей собственной матери.

– Энди. – Лора подождала, пока она поднимет голову.

Глаза Энди не могли сфокусироваться. Она хотела быть предельно внимательной. Ей нужно было быть предельно внимательной.

Мать схватила Энди за подбородок и как следует потрясла, чтобы вывести ее из ступора.

– Не разговаривай с полицией, – сказала она. – Не подписывай показаний. Скажи им, что ничего не помнишь.

Что?

– Пообещай мне, – настаивала Лора. – Не говори с полицией.

Четыре часа спустя Энди так и не поговорила с полицией, но скорее потому, что полиция не говорила с ней. Ни в дайнере, ни в машине «Скорой помощи», ни сейчас.

Энди ждала за закрытыми дверями хирургического отделения, пока врачи оперировали Лору. Она уселась на жесткий пластиковый стул. Она отказалась прилечь, отказалась от предложения медсестры предоставить ей койку, потому что с ней все было нормально. Это Лора нуждалась в помо-

щи. И Шелли. И мать Шелли, чье имя Энди никак не могла вспомнить.

Но кем еще была миссис Барнард, как не матерью для своей дочери?

Энди откинулась на стуле. Ей нужно было держать голову определенным образом, чтобы шишка на затылке не пульсировала и не ныла. Панорамное окно с видом на побережье. Энди помнила, как ее мать утянула ее вниз. Удар затылком, когда ее череп стукнулся о стекло. Окно, пошедшее паутиной трещин. То, как быстро Лоре удалось подняться на ноги. То, как она выглядела и насколько спокойно говорила.

То, как она показала пять пальцев – четыре на левой руке, один на правой, – когда объясняла стрелку, что у него остался всего один патрон из тех шести, которые у него были.

Энди потеряла лицо руками. Она не стала смотреть на часы, потому что если бы она смотрела на них каждый раз, когда ей этого хотелось, то время тянулось бы бесконечно. Она провела языком по пломбам. Металлические уже давно удалили и заменили композитными, но она все еще помнила, как из-за Звука они почти что вибрировали у нее в зубах. В ее челюстях. В ее черепе. Этот концентрированный, навязчивый писк, от которого ее мозг, казалось, готов был взорваться.

И-и-и-и-и-и-и-и...

Энди изо всех сил зажмурила глаза. Тут же перед ними стали прокручиваться образы, как во время тех слайд-шоу,

которые Гордон устраивал после каждого отпуска.

Лора выставляет руку.

Длинное лезвие пронзает ее ладонь.

Она выхватывает нож.

Всаживает лезвие в шею парня.

Кровь.

Столько крови.

Джона Хелсингер. Так звали убийцу. Энди это знала – хотя не могла точно сказать откуда. Может, оно прозвучало по рации, когда она ехала в машине «Скорой помощи» вместе с матерью? Может, оно прозвучало в новостях по телевизору, когда Энди провожали в комнату ожидания после распределения пострадавших по палатам? Может, оно прозвучало из уст медсестры, когда она вела ее к хирургическому отделению?

«Джона Хелсингер, – прошептал кто-то так, как обычно говорят о человеке со смертельным заболеванием. – Убийцу звали Джона Хелсингер».

– Мэм? – перед Энди стояла офицер полиции Саванны.

– Я не... – Энди пыталась припомнить, что велела ей говорить ее мать. – Я не помню.

– Мэм, – повторила офицер, и это было чудно, потому что она была старше Энди. – Прошу прощения за беспокойство, но там мужчина. Он говорит, что он ваш отец, но...

Энди посмотрела в конец коридора.

Гордон стоял рядом с лифтами.

Она вскочила и побежала к нему, позабыв обо всем на свете. Гордон встретил ее на полпути и заключил в медвежьи объятия, прижав к себе так крепко, что она почувствовала, как бьется его сердце. Она уткнулась лицом в его накрахмаленную белую рубашку. Он приехал с работы и одет был в свой обычный костюм-тройку. Его очки для чтения все еще покоились у него на макушке, где он их и оставил. Его ручка «Монблан», как всегда, выглядывала из нагрудного кармана рубашки. Холодный металл коснулся краешка ее уха.

Крыша у Энди начала ехать сразу, как только началась стрельба, и с того момента сдвигалась миллиметр за миллиметром, но рядом с отцом, наконец в полной безопасности, она съехала окончательно. Она начала так страшно рыдать, что едва могла удержаться на ногах. Гордон донес, или, скорее, дотащил ее до ряда стульев у стены. Он так крепко ее держал, что она могла делать только совсем короткие и неглубокие вдохи, чтобы не задохнуться.

– Я здесь, – говорил он ей снова и снова. – Я здесь, детка. Я здесь.

– Папа, – сказала она, громко всхлипнув.

– Все хорошо. – Гордон пригладил ей волосы. – Ты теперь в безопасности. Все теперь в безопасности.

Энди продолжала плакать. Она плакала так долго, что начала стыдиться, словно это было уже чересчур. Лора была жива. Случилось нечто ужасное, но с Лорой все будет хорошо. И с Энди все будет хорошо. С ней все *должно быть* хо-

рошо.

– Все нормально, – бормотал Гордон. – Не сдерживайся.

Энди судорожно втягивала носом слезы. Она пыталась вернуть самообладание. Но только пыталась. Каждый раз, когда ей казалось, что она вроде бы пришла в норму, ей вспоминалась очередная деталь – звуки первого выстрела, будто кто-то открыл банку, или хруст, с которым ее мать вонзила нож в плоть и хрящи, – и слезы снова начинали литься у нее из глаз.

– Все в порядке, – повторял Гордон, терпеливо поглаживая ее по голове. – Все целы, милая.

Энди вытерла нос. Порывисто вдохнула. Гордон согнулся на стуле, не размыкая объятий, и достал из кармана носовой платок.

Энди промокнула слезы, высморкалась.

– Извини.

– Тебе не за что извиняться. – Гордон убрал волосы у нее с глаз. – Где болит?

Она покачала головой. Снова высморкалась, пока не почувствовала, что прочистила еще и уши.

Звук ушел.

Она закрыла глаза, на нее накатило облегчение.

– Порядок? – спросил Гордон. Она ощущала тепло его руки у себя на спине. Она снова чувствовала почву под ногами. – Все хорошо?

Энди открыла глаза. Нервы у нее еще не успокоились, но

она должна была рассказать отцу, что произошло.

– Мама... У нее был нож, а этот парень... Она уби...

– Ш-ш-ш, – остановил ее он, прижав свой палец к ее губам. – С мамой все хорошо. С нами все хорошо.

– Но...

Он снова прижал палец к ее губам, чтобы она замолчала.

– Я говорил с врачом. Мама сейчас восстанавливается. С ее рукой все будет в порядке. С ногой все в порядке. Все в порядке. – Он приподнял бровь, слегка склонив голову и глянув в ту сторону, где стояла полицейская. Женщина говорила по телефону, но, очевидно, слушала их.

Гордон спросил Энди:

– Ты уверена, что с тобой все хорошо? Тебя осмотрели?

Она кивнула.

– Ты просто устала, детка. Ты всю ночь работала. Ты увидела нечто чудовищное. Твоя жизнь была в опасности. Жизнь твоей матери была в опасности. Понятно, что у тебя шок. Тебе нужно немного отдохнуть, привести мысли в порядок. – Его интонации были очень выверенными. Энди поняла, что Гордон ее инструктирует. – Хорошо?

Она кивнула, потому что кивал он. Почему он говорил ей, что надо сказать? Он говорил с Лорой? У ее матери были неприятности?

Офицер полиции обратилась к ней:

– Мэм, не могли бы вы предоставить мне некоторую основную информацию? Полное имя, адрес, дату рождения,

все в таком роде.

– Я вам все продиктую, офицер. – Гордон подождал, пока полицейская достанет свою ручку и блокнот, и только потом продолжил.

Энди снова нырнула под его большую надежную руку. Она сглотнула так сильно, что у нее свело горло.

А потом она заставила себя посмотреть на ситуацию с точки зрения простого человека извне, а не шокированного свидетеля событий.

Это был не тот случай, когда наркодилеры устраивают уличную разборку со стрельбой или когда склонный к агрессии супруг переходит последнюю черту. Белый парень застрелил двух белых женщин, а потом был убит другой белой женщиной, и все это в одном из самых крупных торговых центров штата.

Из Атланты и Чарльстона, вероятно, понаедут автобусы с журналистами. Возникнут юристы со стороны семей, жертв, руководства торгового центра, города, штата, возможно, даже федеральные. Подключатся всевозможные правоохранительные структуры: полиция Белль-Айла, Саванны, округа Чатэм, Бюро расследований Джорджии. Заявления свидетелей. Криминалисты. Фотографии. Вскрытия. Сбор улик.

В обязанности Энди как диспетчера входило присвоение номеров делам о преступлениях гораздо меньшего масштаба, и зачастую ей приходилось отслеживать их движение месяцами, а иногда проходили годы, прежде чем дело доходило

до суда. Ей лучше всех было известно, что действия ее матери будут подвергнуты тщательнейшему изучению на каждом уровне системы уголовного правосудия.

Как по команде, в этот самый момент лифт издал громкий сигнал. Кожаный ремень с пистолетом на поясе у полицейской слегка скрипнул, когда она его поправила. Двери открылись. В коридор вышли мужчина и женщина. Оба в мятых костюмах. Оба с усталыми лицами. Мужчина был лысым, с пятнами от солнечных ожогов на лице и слезающей кожей на носу. Женщина была примерно роста Энди, минимум на десять лет старше, с оливковой кожей и темными волосами.

Энди хотела было встать, но Гордон удержал ее на стуле.

– Мисс Оливер. – Женщина достала свой значок и показала его Энди. – Я сержант Лиза Палаццоло. Это детектив Брэнт Уилкс. Мы из Полицейского управления Саванны. Помогаем Белль-Айл с расследованием. – Она сунула значок обратно в карман пиджака. – Нам нужно поговорить с вами о том, что случилось сегодня утром.

Рот Энди открылся, но она снова не смогла вспомнить, что ее мать велела ей говорить и как именно ее проинструктировал Гордон, поэтому она прибегла к своему обычному способу отвечать на вопросы – просто закрыла рот и бессмысленно уставилась на человека, который к ней обращался.

– Сейчас не лучшее время, детективы, – сказал Гордон. – Моя дочь в шоке. Она пока еще не готова давать показания.

Уилкс неодобрительно запыхтел и хмыкнул.

– Вы ее отец?

Энди все время забывала, что Гордон был черным, а она белой, пока кто-то другой не обращал на это внимание.

– Да, детектив. Я ее отец. – Гордон говорил очень спокойно. Он привык к этому. Долгие годы он шлифовал свои нервы об обеспокоенных учителей, встревоженных служащих и агрессивно настроенных охранников-расистов. – Я Гордон Оливер, бывший муж Лоры. Приемный отец Энди.

Уилкс слегка скосил рот набок, переваривая эту информацию.

– Мы очень сожалеем о том, что случилось, мистер Оливер, – сказала Палаццоло, – но нам необходимо задать Андреа несколько вопросов.

Гордон повторил:

– Как я уже сказал, в данный момент она не готова обсуждать происшествие. – Он расслабленно положил ногу на ногу, будто это была всего лишь формальность. – Андреа – диспетчер, как вы без труда догадались по ее униформе. Она отработала ночную смену. Она валится с ног от усталости. Она стала свидетельницей жуткой трагедии. Она не в том состоянии, чтобы делать какие-то заявления.

– Это *действительно* жуткая трагедия, – согласилась Палаццоло. – Три человека погибли.

– И моя дочь могла быть четвертой. – Гордон по-прежнему обнимал Энди за плечо своей твердой рукой. – Мы будем

рады назначить встречу в участке на завтра.

– Ведется расследование убийства!

– Подозреваемый мертв, – напомнил ей Гордон. – Срочности нет, детектив. Один день ничего не изменит.

Уилкс снова хмыкнул.

– Сколько вам лет?

Энди поняла, что он обращается к ней.

– Ей тридцать один, – ответил Гордон. – Сегодня день ее рождения.

Энди внезапно вспомнила голосовое сообщение, которое она получила от Гордона этим утром. Это была песенка «С днем рождения тебя», исполненная а капелла его глубоким баритоном.

– Она слишком взрослая, чтобы за нее говорил *папочка*, – съязвил Уилкс.

Палаццоло закатила глаза, но произнесла:

– Мисс Оливер, нам бы очень хотелось, чтобы вы помогли нам зафиксировать всю цепь событий на бумаге. Вы единственный свидетель, который пока не дал показаний.

Энди знала, что это неправда, потому что Лора до сих пор приходила в себя после анестезии.

– Детективы, если... – начал Гордон.

– Вы ее папочка или ее чертов адвокат? – с вызовом поинтересовался Уилкс. – Потому что мы можем убрать вас...

Гордон встал. Он был по крайней мере на тридцать сантиметров выше Уилкса.

– Представьте себе, я действительно адвокат, мистер Уилкс, и я могу либо просветить вас по поводу конституционного права моей дочери отказаться от этого допроса, либо подать письменную жалобу вашему начальству.

Энди видела, как глаза Уилкса забежали из стороны в сторону, а рот дернулся от мучительного желания поставить Гордона на место.

– Брэнт, иди пройдишь, – сказала Палаццоло.

Уилкс не сдвинулся с места.

– Ну же, Брэнт. Встретимся в кафетерии. Возьми себе что-либо поесть.

Уилкс зыркнул на Гордона, как некастрированный петух, прежде чем отступить.

– Мистер Оливер, – продолжила Палаццоло, – я понимаю, что вашей дочери через многое пришлось сегодня пройти, но, хотя Саванну и не назовешь тихим городком, к тройным убийствам мы тут не привыкли. Нам действительно нужно зафиксировать показания вашей дочери. Нам нужно понять, что произошло.

– Двойным убийствам, – поправил Гордон.

– Верно. – На несколько мгновений Палаццоло задумалась, но потом заговорила снова: – Мы не могли бы присесть? – Она примирительно улыбнулась Энди. – Я тоже сегодня работала в ночную смену. Восемнадцать часов на ногах, и конца-краю этому не видно. – Она пододвинула к ней стул, прежде чем Гордон успел остановить ее. – Послушайте,

давайте я расскажу вам о том, что знаю я, а потом, если Андреа захочет, она расскажет мне, что знает она. Или нет. В любом случае вы получите представление о том, как это видим мы. – Она указала на третий стул. Это хорошее предложение, мистер Оливер. Надеюсь, вы согласитесь его принять.

Энди подняла глаза на отца. Тройное убийство? Двое раненых? Почему возникало такое ощущение, что они не относят Лору к числу пострадавших?

– Мистер Оливер? – Палаццоло постучала по спинке своего стула, но не села. – Ну так что?

Гордон посмотрел на Энди.

Она видела этот взгляд тысячу раз. *Помни, что я тебе говорил.*

Энди кивнула. В чем в чем, а в том, чтобы держать язык за зубами, она была хороша.

– Отлично. – Палаццоло села на стул, громко кряхтя.

Гордон слегка отодвинул Энди назад, чтобы только он сидел прямо напротив Палаццоло.

– Так. – Палаццоло достала свой блокнот, но не ручку. Она пролистнула страницы. – Имя стрелка – Джона Ли Хелсингер. Восемнадцать лет. Старшая школа. Принят досрочно в Университет штата Флорида. Молодая девушка – это Шелли Энн Барнард. Она была в дайнере со своей матерью, Элизабет Леоной Барнард, Бетси. Джона Ли Хелсингер – парень, вернее, бывший парень Шелли. Его отец говорит, что Шелли порвала с Хелсингером две недели назад. Хотела сделать

это до того, как уехать в колледж в следующем месяце. Он воспринял это не очень хорошо.

Гордон прочистил горло.

– Это еще мягко сказано.

Она кивнула, проигнорировав его сарказм.

– К сожалению, правоохранительные органы сталкиваются с множеством таких случаев каждый год. Мы знаем, что массовые убийства обычно не происходят под воздействием момента. Это хорошо спланированные, хорошо организованные операции, мысль о которых обычно созревает в мозгу убийцы до тех пор, пока что-то – событие вроде расставания или надвигающиеся перемены в жизни вроде поступления в колледж – не срабатывает как стартовый механизм для осуществления плана. Первой жертвой обычно становится особо близкая женщина, поэтому для нас стало облегчением узнать, что матери Хелсингера этим утром не было в городе. Бизнес в Чарльстоне. Но то, как Хелсингер был одет – черная шляпа, жилет и кобура, купленные на «Амазоне» полгода назад, – свидетельствует о том, что он очень тщательно продумал, как все будет происходить. Искрой послужило расставание с Шелли, но сама идея, сама задумка жила у него в голове месяцами.

Массовые убийства.

Эти два слова метались у Энди в голове.

– Все жертвы женщины? – спросил Гордон.

– В дайнере сидел мужчина. Ему в глаз угодил осколок.

Не знаю, потеряет он его или нет. Глаз. – Она вернулась к Джоне Хелсингеру. – Что мы еще знаем о массовых убийствах, так это что преступники обычно размещают в своих домах взрывные устройства для достижения максимального числа жертв. Поэтому мы вызвали отряд саперов от штата, чтобы они зачистили спальню Хелсингера, прежде чем мы туда зайдем. К дверной ручке оказалась приделана самодельная бомба. Но он ее неправильно установил. Видимо, вычитал инструкцию в интернете. Слава богу, она не взорвалась.

Энди открыла рот, чтобы вдохнуть. Она стояла лицом к лицу с этим парнем. Он почти убил Лору. Почти убил Энди. Стрелял в людей. Пытался кого-то взорвать.

Он, наверное, ходил в старшую школу Белль-Айла – ту же самую, что и Энди.

– Хелсингер, – произнес Гордон. – Фамилия кажется знакомой.

– Да, эту семью хорошо знают в округе Бибб. Как бы то ни было...

– Хорошо знают, – повторил Гордон, и эти два слова имели какой-то вес, хотя для Энди оставалось загадкой – какой.

Палаццо, очевидно, уловила их скрытый смысл. Она на секунду поймала взгляд Гордона и продолжила:

– Как бы то ни было, Джона Хелсингер оставил на кровати несколько школьных тетрадей. По большей части они были заполнены рисунками. Жутковатые картинки, всякие отталкивающие штуки. У него было еще четыре пистолета, полу-

автоматическая винтовка и дробовик, но он выбрал именно шестизарядный револьвер и нож не без причины. Мы думаем, что знаем эту причину. На его компьютере была папка под названием «Смертельный план» с двумя текстовыми документами и одним изображением.

Энди почувствовала, как по ее телу прокатилась крупная дрожь. Когда она прошлым вечером собиралась на работу, Джона Хелсингер, вероятно, лежал в своей постели и морально готовился к массовому убийству.

– На изображении был схематический рисунок дайнера. Такие обычно делают архитекторы в специальных программах. В одном из документов была временная шкала, расписанная точно по пунктам: во столько-то проснуться, во столько-то принять душ, почистить пистолет там-то, заправить машину тут-то. Второй документ содержал что-то вроде дневниковой записи, где Хелсингер рассказывал, как и почему все должно произойти. – Она снова обратилась к своему блокноту. – Первыми мишенями должны были стать Шелли и ее мать. По всей видимости, у них была договоренность обедать каждый понедельник в «Райз-энд-Дайн». Мистер Барнард сказал нам, что обеденный перерыв – это время, которое его жена и его дочь решили проводить вместе до конца лета, до колледжа.

– *Был* тем временем, которое они решили проводить вместе, – пробормотал Гордон, потому что теперь все в жизни этих двух женщин перешло в прошедшее время.

– Был. Да. Хелсингер планировал убить их обеих. Он видел ее мать в разрыве. Он записал в дневнике, что это все Бетси, что она всегда давила на Шелли и тому подобное. Бред сумасшедшего. Это неважно, поскольку мы все понимаем, что это вина Джоны Хелсингера, верно?

– Верно, – отозвался Гордон с твердостью в голосе.

Палаццо снова многозначительно задержала на нем взгляд, прежде чем опять обратиться к своим записям.

– Вот какой у него был план: после убийства Бетси и Шелли Хелсингер собирался взять в заложники всех, кто остался в дайнере. У него было отмечено время – 1:16, не реальное время, а скорее отметка по таймингу. – Она посмотрела на Энди, потом на Гордона. – Видите ли, мы предполагаем, что он сделал пробный заплыв. На прошлой неделе, примерно в то же самое время, когда произошло сегодняшнее нападение, кто-то кинул камень в панорамное окно, выходящее на набережную. Мы ждем видеоматериалов от охраны. Инцидент зарегистрировали как попытку ограбления. Первый коп из торгового центра оказался на месте примерно через одну минуту шестнадцать секунд.

Копы в торговых центрах были не обычными охранниками, а полицейскими, которые, будучи не при исполнении, работали на дорогие магазины. Энди видела у них оружие, но никогда не придавала этому значения.

Палаццо продолжила свой рассказ:

– Согласно предполагаемой временной шкале Хелсинге-

ра, он должен был застрелить еще как минимум одного случайного посетителя, чтобы продемонстрировать копам, что он настроен серьезно. А потом он собирался дать себя застрелить. Хелсингер, вероятно, подумал, что его план выполняется с опережением, когда увидел вашу форму и решил, что вы из правоохранительных органов. – Теперь Палаццоло обращалась непосредственно к Энди: – Из показаний остальных свидетелей мы поняли, что он хотел, чтобы вы застрелили его. Самоубийство руками копа.

Только Энди не была копом.

Вставай! Делай свою работу!

Это Хелсингер прокричал Энди.

А потом мать Энди сказала: «Застрели меня».

– Он и правда плохой парень. Был плохим парнем. Этот пацан, Хелсингер. – Палаццоло была по-прежнему сфокусирована на Энди. – Мы нашли в его записях все. Он очень тщательно спланировал это дело. Он знал, что будет убивать людей. И надеялся, что будут еще жертвы, когда дверь в его спальню откроют. Он напичкал бомбу шурупами и гвоздями. Если бы провода не были закреплены на самом кончике дверной ручки, то весь дом оказался бы стерт с лица земли вместе с теми, кому довелось оказаться внутри. Мы в радиусе двух кварталов находили бы гвозди, воткнувшиеся бог знает во что или в кого.

Энди хотела кивнуть, но почувствовала, что совершенно обездвижена. Шурупы и гвозди, летящие в разные стороны.

Что нужно чувствовать, чтобы соорудить такое устройство и начинить его дополнительными поражающими элементами в надежде, что они покалечат или убьют людей?

– Вам повезло, – сказала Палаццоло Энди. – Если бы вашей мамы там не оказалось, он бы вас убил. Он был действительно плохим парнем.

Энди чувствовала, что женщина смотрит на нее, но не отрывала взгляда от пола.

Плохой парень.

Палаццоло повторяла эту фразу, словно то, что Хелсингер мертв, было в порядке вещей. Словно он получил то, что заслуживал. Словно то, что сделала Лора, было совершенно оправданно и справедливо, потому что Джона Ли Хелсингер был *плохим парнем*.

Энди работала в полицейском участке. Большая часть тех, кого убивали копы, попадали в категорию плохих парней, но все же она никогда не слышала, чтобы кто-то из детективов так упорно мусолил тот факт, что убитый был *плохим парнем*.

– Мистер Оливер, – Палаццоло повернулась к Гордону, – у вашей жены была какая-то военная подготовка?

Гордон не ответил.

– Биография у нее довольно невыразительная, – сказала Палаццоло. – Она снова принялась листать блокнот. – Родилась в Провиденсе, штат Род-Айленд. Посещала Университет Род-Айленда. Получила магистерскую и кандидатскую

степени в Университете Джорджии. Живет в Белль-Айл двадцать восемь лет. Ипотека за дом полностью выплачена, с чем я вас поздравляю. Она могла бы продать его за целую кучу денег – но, как я понимаю, уезжать отсюда ей особо некуда. Один брак, один развод. Никаких больших задолженностей или кредитов. Счета оплачивает в срок. Никогда не покидала страну. Получила штраф за неправильную парковку три года назад и оплатила его онлайн. Она, должно быть, одна из первых, кто приобрел здесь недвижимость. – Палаццоло повернулась к Энди: – Вы здесь выросли, верно?

Энди молча уставилась на женщину. У нее была родинка рядом с ухом, прямо под челюстью.

– Вы учились в школе здесь, на полуострове, а потом в Колледже искусств и дизайна в Саванне?

Энди провела первые два года жизни в Атенсе, штат Джорджия; Лора тогда заканчивала свою кандидатскую диссертацию. Но единственное, что Энди помнила о времени, связанном с Университетом Джорджии, – как ее пугал соседский длиннохвостый попугай.

– Мисс Оливер. – Голос Палаццоло звучал напряженно. Она явно привыкла к тому, что на ее вопросы отвечают. – Ваша мать когда-либо посещала занятия по самообороне?

Энди внимательно изучала родинку. Из нее торчало несколько коротких волосков.

– Йога? Пилатес? Тай-чи? – Палаццоло подождала. Подождала еще. Потом закрыла свой блокнот. Положила его об-

ратно в карман. Полезла в другой. Достала оттуда телефон. Потыкала в экран. — Я показываю вам это, потому что это уже есть в новостях. — Она провела пальцем по экрану. — Один из постоянных посетителей решил, что важнее заснять все на камеру, чем позвонить 911 или убежать.

Она развернула телефон. Видео стояло на паузе. Джона Хелсингер стоял у входа в дайнер. Нижняя часть его тела была скрыта за мусорным баком. Торговый центр за его спиной казался пустым. По ракурсу съемки Энди поняла, что запись сделала не официантка, которая стояла позади. Она подумала, не мужчина ли это с газетой. Телефон был приклонен к подставке с солью и перцем, как будто кто-то пытался скрыть, что он записывает на камеру странного пацана, одетого как злодей из фильмов с Джоном Уэйном.

Объективно, шляпа Хелсингера выглядела смешно. Она была слишком велика для его головы, верхушка стояла торчком, а полы были выгнуты почти что комично.

Энди тоже могла бы его заснять.

Палаццоло сказала:

— Тут все довольно жестко. В новостях некоторые моменты замазали. Вы готовы? — Она обращалась к Гордону, потому что Энди, очевидно, уже это видела.

Гордон пригладил усы большим и указательным пальцами, раздумывая над вопросом. Энди знала, что он сможет это выдержать. Он скорее спрашивал себя, действительно ли он хочет это увидеть.

Наконец он решился:

– Да.

Палаццолю скользнула пальцем по краю экрана и запустила воспроизведение.

Сначала Энди не поняла, среагировал ли телефон, потому что Джона Хелсингер не двигался. Несколько секунд он просто стоял за мусорным баком и бессмысленно смотрел в пространство дайнера из-под своей гигантской шляпы, возвышавшейся над его блестящим лбом.

Две немолодые женщины, посетительницы молла, просменили за его спиной. Одна из них заметила его ковбойский наряд, толкнула локтем другую, и обе рассмеялись.

На заднем плане играла фоновая музыка. Песня Мадонны «Дресс ю ап».

Кто-то кашлянул. Этот неприметный звук отозвался у Энди в ушах, и она попыталась вспомнить, улавливала ли она все эти шумы в тот момент, когда сама была в дайнере, говорила официантке о своей театральной специальности и когда смотрела в окно на далекие набегающие волны.

Тем временем на экране голова Хелсингера повернулась сначала направо, потом налево, будто он сканировал дайнер. Энди знала, что особенно смотреть там было не на что. Заведение было полупустым, всего несколько посетителей наслаждались кофе или чаем со льдом, прежде чем отправиться по делам, играть в гольф или, в случае Энди, спать.

Хелсингер сделал шаг из-за мусорного бака.

Мужской голос произнес: «Господи».

Энди вспомнила это слово, как глухо и язвительно оно прозвучало, с легким оттенком удивления.

Пистолет поднялся в воздух. Облачко дыма вырвалось из ствола. Громкий хлопок.

Шелли пуля попала в затылок. Она осела на пол, как тряпичная кукла.

Бетси Барнард начала кричать.

Вторая пуля пролетела мимо Бетси, но громкий крик свидетельствовал о том, что она попала в кого-то другого.

Третья пуля последовала сразу за второй.

Чашка на столе взорвалась тысячей кусочков. Осколки разлетелись во все стороны.

Лора разворачивалась спиной к стрелку, когда один из осколков вошел ей в ногу. Боль от раны никак не отразилась на лице ее матери. Она начала бежать, но не к выходу. Она была ближе к дверям, чем к задней части дайнера. Она могла бы спрятаться под столом. Она могла бы убежать.

Но вместо этого она побежала к Энди.

Энди увидела себя, уже стоящую спиной к окну. Энди на видео уронила кружку с кофе. Фарфор разбился вдребезги. На переднем плане совершалось убийство Бетси Барнард. Пуля номер четыре попала ей в рот, пятая – в голову. Она упала на свою дочь.

Затем Лора стащила Энди на пол.

На секунду все застыло, прежде чем Лора снова вскочила

на ноги.

Она делала плавные движения ладонями, как в детстве, когда укладывала Энди спать. Мужчина в черном, Джона Ли Хелсингер, направил револьвер в грудь Лоры. На некотором расстоянии Энди видела себя. Она свернулась в калачик. По стеклу за ее спиной паутиной шли трещины. Сверху падали осколки.

Сидя на стуле за Гордоном, Энди дотронулась рукой до своих волос. Она достала кусочек стекла из спутанных прядей.

Когда она снова посмотрела в телефон детектива Палаццо, угол съемки изменился. Изображение тряслось, запись шла уже из-за спины стрелявшего. Тот, кто его снимал, лежал на полу прямо за перевернутым столом. Это положение позволило Энди взглянуть на все с совершенно иного ракурса. Теперь она была не лицом к лицу со стрелком, а за ним. Теперь она видела не спину своей матери, а смотрела ей прямо в глаза. Лора держала руки шестью пальцами вверх, показывая общее количество патронов. Она покрутила большим пальцем, демонстрируя, что в барабане остался последний.

Застрели меня.

Вот что сказала Лора парню, который уже убил двух человек: *застрели меня*. Она повторяла это снова и снова. Эти слова эхом отдавались в мозгу Энди каждый раз, когда Лора произносила их на видео.

Застрели меня, я хочу, чтобы ты застрелил меня, за-

стрели меня, когда ты меня застрелишь, моя дочь убежит...

Когда стрельба началась, все до одного посетители дайнера стали кричать, прятаться, бежать или всё сразу.

Лора начала считать выстрелы.

– Что? – пробормотал Гордон. – Что он делает?

Щелк.

На экране Хелсингер расстегивал ножны на поясе.

– Это нож, – сказал Гордон. – Я думал, он пользовался пистолетом.

Пистолет вернулся в кобуру. Хелсингер сжимал в кулаке нож, острие которого было направлено вниз для удара максимальной силы.

Энди хотелось закрыть глаза, но столь же сильно ей хотелось снова все увидеть, посмотреть в лицо матери, потому что в этот самый момент, когда Хелсингер на видео держал перед собой угрожающего вида охотничий нож, выражение лица Лоры было почти что умиротворенным, будто внутри ее кто-то выключил рубильник.

Нож взметнулся вверх.

Гордон втянул воздух между сжатыми зубами.

Нож метнулся вниз.

Лора подняла левую руку. Лезвие вонзилось прямо в центр ее ладони. Ее пальцы обхватили рукоятку ножа. Она вырвала его из сжатой руки Хелсингера, а потом, хотя лезвие все еще было воткнуто в ее кисть, всадила лезвие в его шею.

Этот *хруст*.

Глаза Хелсингера расширились.

Левая рука Лоры оказалась пришпилена к левой стороне его шеи, как листовка, приколотая к доске объявлений.

Повисла короткая пауза, не больше нескольких миллисекунд.

Губы Лоры задвигались. Одно или два слова – она едва открывала рот.

Потом она запустила свою правую руку под обездвиженную левую.

Она уперлась тыльной стороной правой ладони в правое плечо Хелсингера.

Ее правая рука надавила ему на плечо.

Ее левая рука выдернула лезвие ножа прямо из его горла.

Кровь.

Повсюду.

Гордон раскрыл рот.

Язык Энди стал словно ватным.

Правая рука давит, левая рука тянет.

На видео все выглядело так, будто Лора вполне сознательно выдернула нож из горла Хелсингера.

Он не просто умер.

Она *убила* его.

– Она просто... – Гордон тоже это увидел. – Она...

Он прикрыл рот рукой.

На видео Хелсингер упал на колени. Потом ударился об

пол грудью. Потом головой.

На расстоянии Энди увидела себя. Белки ее глаз представляли собой почти идеальные круги.

Лицо Лоры на переднем плане оставалось все таким же умиротворенным. Она посмотрела на нож, насквозь пронзивший ее кисть, покрутила ею, оглядев спереди и сзади, будто искала занозу.

На этом месте Палаццоло решила остановить видео.

Она немного подождала, потом спросила:

– Хотите посмотреть еще раз?

Гордон так сильно сглотнул, что Энди увидела, как дернулся его кадык.

– Мистер Оливер?

Он покачал головой, глядя в коридор.

Палаццоло выключила телефон. Она вернула его обратно себе в карман. Энди не успела заметить, как она отодвинула свой стул от Гордона. Палаццоло наклонилась вперед, положив руки на колени. Между коленями Энди и ее оставалось всего несколько сантиметров.

– Настоящий кошмар, – сказала она. – Должно быть, тяжело было снова увидеть это.

Гордон покачал головой. Он думал, что детектив говорит с ним.

– Не торопитесь, мисс Оливер. Я знаю, это тяжело. Да? – Она снова обращалась к Энди, наклоняясь все ближе к ней. Настолько близко, что Энди стало не по себе.

Одна рука давит, другая рука тянет.

Давит на его плечо. Тянет нож свозь его горло.

Спокойное выражение лица Лоры.

Я расскажу вам о том, что знаю я, а потом, если Андреа захочет, она расскажет мне, что знает она.

Детектив не сказала и не показала им ничего такого, чего, вероятно, еще не было в новостях. А теперь она насаждала на Энди, будто и не насадая на нее, отщипывая кусочек за кусочком ее личного пространства. Энди знала, что это была одна из техник ведения допроса, потому что читала кое-какие обучающие брошюры, когда на работе бывало затишье.

«Руководство Хортона по технике полицейского допроса: заявления свидетелей, показания и признания враждебно настроенных свидетелей».

Нужно заставить человека чувствовать себя неудобно, чтобы он при этом не понимал, почему чувствует себя неудобно.

А Палаццоло пыталась заставить Энди чувствовать себя неудобно, потому что она отказывалась давать показания. Это был допрос.

– Вам повезло, что рядом оказалась ваша мать и спасла вас. Некоторые люди назвали бы ее героиней, – заметила Палаццоло.

Некоторые люди.

– Что ваша мать сказала Джоне перед тем, как он умер?

Энди наблюдала за тем, как пространство между ними сужается. Осталось всего несколько сантиметров.

– Мисс Оливер?

Лора казалась слишком спокойной. Вот в чем была проблема. Она действовала слишком спокойно и методично всю дорогу, особенно когда подняла правую руку и положила ее на правое плечо Джоны.

Одна рука давит, другая тянет.

Она не отчаянно боролась за свою жизнь.

Она действовала *обдуманно*.

– Мисс Оливер? – повторила Палаццоло. – Что сказала ваша мать?

Невысказанный вопрос детектива заполнил крошечный отрезок неуютного пространства между ними. Если уж Лора была так спокойна, так методична, то почему она не использовала ту же самую руку, чтобы забрать у Хелсингера пистолет?

– Андреа? – Палаццоло уперлась локтями в колени. Энди почувствовала запах кофе изо рта детектива. – Я понимаю, что вам сейчас очень тяжело, но мы гораздо быстрее во всем разберемся, если узнаем от вас, что сказала ваша мать перед тем, как Хелсингер умер. – Она подождала всего секунду. – Телефон это не записал. Я думаю, мы могли бы послать видео в техническую лабораторию штата, но будет проще, если вы просто скажете...

– Отец, – сказал Гордон. – Нужно помолиться за их отца.

Палаццоло даже не взглянула на него, в отличие от Энди. Он был не из тех, кто любит помолиться.

– Не могу себе представить... – он остановился. – Не могу себе представить, каково это, потерять всю свою семью вот так. – На последних словах он щелкнул пальцами перед собственным лицом, будто пытался сам себя вывести из транса, в который его погрузило это видео. – Я так рад, что твоя мать была рядом и смогла защитить тебя. И себя.

Энди кивнула. В кои-то веки она на несколько шагов опережала своего отца.

– Послушайте, ребята. – Палаццоло выпрямилась на стуле. – Я знаю, вы думаете, что я не на вашей стороне, но тут нет сторон. Джона Хелсингер был плохим парнем. У него был план. Он хотел убивать людей, и именно это он и сделал. И вы правы, мистер Оливер. Ваша жена и дочь могли стать его третьей и четвертой жертвами. Но я коп, и моя работа – задавать вопросы о том, что на самом деле произошло сегодня в этом дайнере. Все, что мне нужно, – это правда.

– Детектив Палаццоло. – Гордон наконец пришел в себя. – Мы оба живем на этой земле достаточно долго, чтобы понимать, что правда допускает интерпретации.

– Это верно, мистер Оливер. Совершенно верно. – Она посмотрела на Энди. – Вы знаете, я только что осознала, что вы не сказали ни единого слова за все время. – Ее рука опустилась на колено Энди с почти что сестринской нежностью. – Все в порядке, милая. Не бойся. Ты можешь поговорить со мной.

Энди смотрела на родинку у женщины на подбородке, по-

тому что смотреть ей в глаза было слишком тяжело. Она не боялась. Она просто не понимала.

Представлял ли еще Джона Хелсингер угрозу, когда Лора убила его? Потому что ты можешь легально убить кого-то, если он представляет для тебя угрозу, но, если он не представляет для тебя угрозу и ты его убиваешь, значит, ты уже не защищаешь себя.

Ты просто убиваешь его.

Энди пыталась прокрутить в голове это утро, заполнить пробелы с помощью видео. Могла ли Лора оставить нож в шее у Джоны Хелсингера, забрать у него пистолет, а потом... *что?*

Приехала бы полиция. Диспетчер вызвал бы «Скорую помощь», а не труповозку, потому что по факту даже с ножом, торчащим из шеи, как у чудовища Франкенштейна, Джона Хелсингер был бы еще жив. Он не харкал кровью, из носа она тоже не шла. Он был все еще способен двигать руками и ногами, следовательно, его сонная и яремная артерии скорее всего не были затронуты. Следовательно, у него был шанс остаться в живых, пока Лора его не убила.

Так что же случилось бы потом?

Врачи «Скорой помощи» могли бы стабилизировать его, чтобы он доехал до больницы, затем хирурги могли бы безопасно извлечь из его шеи нож, но ничего этого не произошло, потому что Лора схватила правой рукой правое плечо Хелсингера и оборвала его жизнь.

– Мисс Оливер, – сказала Палаццоло, – отсутствие всякой реакции с вашей стороны меня очень беспокоит. Если все нормально, то почему вы не разговариваете со мной?

Энди заставила себя посмотреть детективу в глаза. Она обязана была заговорить. Пришло время ей сказать, что у Лоры не было другого выхода. *Действия моей матери были самозащитой. Вас там не было, но я была, и я готова поклясться на целой стопке Библий перед любым судом, что у моей матери не было другого выхода, кроме как убить Джону Ли Хелсингера.*

– Лора? – произнес Гордон.

Энди обернулась, наконец вырвавшись из темного омута глаз Палаццоло. Она ожидала увидеть свою мать на очередной больничной каталке, но та прямо сидела в инвалидном кресле.

– Со мной все в порядке, – сказала Лора, но ее лицо кривилось от боли. На ней была белая больничная рубашка. Ее рука была привязана к талии ремнем с застежкой-липучкой. Кисть была зафиксирована чем-то вроде байкерской перчатки с отрезанными пальцами. – Мне нужно переодеться, и потом я готова ехать домой.

Гордон уже открыл рот, чтобы начать протестовать, но она оборвала его:

– Пожалуйста. Я уже сказала врачу, что буду выписываться. Она собирает все необходимые бумаги. Ты можешь подогнать машину? – Она выглядела раздраженной, особенно

тем, что Гордон не сдвинулся с места. – Гордон, не мог бы ты, пожалуйста, подогнать свою машину?

– Доктор Оливер, – сказала Палаццоло. – Ваш хирург сказала мне, что вам нужно остаться на ночь, а может, и дольше.

Лора не спросила женщину, кто она или почему она разговаривала с ее хирургом.

– Гордон, я хочу поехать домой.

– Мэм, – снова начала Палаццоло. – Я детектив Палаццоло из Полицейского управления Саванны...

– Я не хочу говорить с вами. – Она посмотрела прямо на Гордона. – Я хочу поехать домой.

– Мэм...

– У вас проблемы со слухом? – спросила Лора. – Этот человек юрист. Он может рассказать вам о моих законных правах, если они вам неизвестны.

Палаццоло нахмурилась.

– Да, мы это уже проходили, но я хочу прояснить для протокола: вы отказываетесь от дачи показаний?

– В данный момент, – вмешался Гордон, потому что охотнее всего он вставал на сторону Лоры в конфликтах с посторонними. – Мои представители позвонят вам, чтобы назначить встречу.

– Я могу задержать ее в качестве особо важного свидетеля.

– Можете, – согласился Гордон. – Но тогда она сможет остаться здесь согласно врачебному предписанию, и вы все

равно не получите к ней доступ.

Лора попробовала вклинить:

– Я была под анестезией. Я не в состоянии...

– Вы себе же делаете хуже. Вы это понимаете, да? – Добродетельный фасад в духе «мы все на одной стороне», за которым скрывалась Палаццоло, рухнул. Она была явно вне себя. – Только тем, кто держит язык за зубами, есть что скрывать.

– Мои представители свяжутся с вами, когда она будет готова говорить, – повторил Гордон.

Края челюсти рельефно выступили на лице Палаццоло, словно стальные шарниры, когда она сжала зубы. Она коротко кивнула и ушла. Полы ее пиджака развевались за ее спиной, когда она шагала к лифту.

Гордон обратился к Лоре:

– Тебе лучше остаться в больнице. Она тебя не побеспокоит. Я получу судебный запрет, если...

– Домой, – сказала Лора. – Либо иди за своей машиной, либо я вызываю такси.

Гордон посмотрел на санитаря, который вез ее каталку, в надежде на его помощь.

Мужчина пожал плечами:

– Она права, брат. Как только она подпишет бумаги, мы больше не сможем держать ее здесь против ее воли.

Гордон опустился на колено перед креслом-каталкой.

– Милая, я не думаю...

– Андреа. – Лора сжала руку Энди так сильно, что у нее сместились суставы. – Я не хочу здесь находиться. Я больше не могу оставаться в больнице. Только не на ночь. Ты понимаешь?

Энди кивнула, потому что это по крайней мере она точно понимала. Лора почти год постоянно выписывалась и снова ложилась в больницу из-за осложнений после операции, двух случаев острой пневмонии и клостридиальной инфекции, которая оказалась настолько живучей, что чуть не посадила ей почки.

– Папа, она хочет поехать домой.

Гордон что-то пробормотал себе под нос. Поднялся. Засунул руки в карманы. Внутри зазвенели ключи.

– Ты уверена? – Он покачал головой, потому что у Лоры не было привычки говорить что-то, в чем она не была уверена. – Переодевайся. Подписывай свои бумаги. Я буду ждать у входа.

Энди смотрела, как уходит ее отец. Она ощутила, что в груди поднимается знакомое чувство вины за то, что она придала большее значение требованиям матери, а не желаниям отца.

– Спасибо. – Лора ослабила хватку на руке Энди. Она обратилась к санитару: – Не могли бы вы найти футболку или что-то в этом роде, во что можно переодеться?

Он кивнул и удалился.

– Андреа, – Лора понизила голос. – Ты сказала что-нибудь

детективу?

Энди замотала головой.

– Ты говорила с ней, когда я заехала в коридор.

– Я не говорила... – Энди удивил резкий тон матери. – Она задавала вопросы. Я ничего ей не сказала. – Потом Энди добавила: – Я не говорила. Вообще.

– Ладно. – Лора попыталась повернуться в кресле, но, судя по ее скривившемуся лицу, боль была слишком сильной. – Вернемся к тому, о чем мы говорили в дайнере. Мне нужно, чтобы ты съехала. Этим вечером. Ты должна уйти.

Что?

– Я знаю, я говорила, что не буду ставить тебе крайний срок, но ставлю, и этот срок – сегодня. – Лора снова попыталась повернуться. – Ты взрослая, Андреа. И тебе пора начинать вести себя соответствующе. Я хочу, чтобы ты нашла квартиру и съехала. Сегодня.

Энди почувствовала, что ее внутренности оказались словно в состоянии свободного падения.

– Твой отец согласен со мной, – сказала Лора, будто бы это могло придать ее словам больший вес. – Я хочу, чтобы тебя не было в доме. В гараже. Просто убирайся, ладно? Ты не можешь сегодня там спать.

– Мама...

Лора со свистом вдохнула воздух через сжатые зубы, снова попытавшись принять удобное положение.

– Андреа, пожалуйста, не спорь со мной. Этой ночью мне

нужно побыть одной. И завтра, и... Просто тебе нужно уйти. Я присматривала за тобой тридцать один год. Я заслужила право побыть в одиночестве.

– Но... – Энди не знала, что должно последовать за «но». Но погибли люди.

Но ты могла погибнуть.

Но ты убила человека, хотя тебе необязательно было это делать.

Ведь необязательно?

– Я приняла решение. Иди вниз и удостоверься, что твой отец подогнал машину к нужному входу.

Гордон и раньше забирал их из больницы.

– Мама...

– Андреа! Можешь ты хоть раз сделать то, что я тебе говорю?

Энди захотелось закрыть уши. Она никогда в жизни не видела такой холодности со стороны матери. Между ними будто раскинулось огромное ледяное озеро.

Зубы Лоры были сжаты.

– Иди.

Энди развернулась на каблуках и пошла прочь. По ее лицу текли слезы. Она слышала эту интонацию в голосе матери уже второй раз за сегодня, и оба раза ее тело реагировало раньше, чем ее мозг успевал ввести ее в ступор.

Гордона нигде не было видно, но у лифта ждала детектив Палаццоло. Женщина открыла рот, чтобы заговорить. Энди

продолжала идти. Она решила спуститься по лестнице. Ее ноги еле переступали через ступеньки. Все ее тело онемело. Голова кружилась. Слезы лились градом.

Съехать? Сегодня?

То есть сейчас? То есть навсегда?

Энди закусил губу, чтобы перестать плакать. Она должна держать себя в руках хотя бы до того момента, как увидит отца. Гордон все исправит. Он все наладит. Придумает какой-нибудь план. Найдет объяснение, что за хрень случилась с ее доброй, заботливой матерью.

Энди ускорила, чуть ли не перелетая через ступеньки. Свинцовая тяжесть на ее сердце стала будто чуточку легче. Должна быть причина, почему Лора себя так ведет. Стресс. Анестезия. Скорбь. Страх. Боль. Любая из этих вещей может пробудить самое худшее в человеке. А вместе взятые они могут элементарно свести с ума.

Вот оно.

Лоре просто нужно время.

Энди почувствовала, что ее дыхание успокаивается. Она свернула на очередном пролете. Ее потная рука соскользнула с перил. Одна нога съехала вбок по ступеньке, другая выскользнула из-под нее, и в следующую секунду она шлепнулась на задницу.

Черт.

Энди уронила голову на ладони. По ее пальцам текло что-то слишком густое для пота.

Черт!

Одна из костяшек была в крови. Она сунула ее в рот. Почувствовала, как трясутся руки. Ее мозг юлой крутился в черепе. С сердцебиением творилось что-то странное.

Где-то выше открылась дверь, потом закрылась, затем зазвучали шаркающие шаги по лестнице.

Энди пощупала лодыжку: она, к ее удивлению, была в порядке. Коленка гудела, но ни перелома, ни вывиха не было. Она встала и уже была готова спускаться на первый этаж, как вдруг к горлу подступила тошнота.

Шаги приближались.

Блевать в общественном месте уже достаточно паршиво. Хуже только делать это при свидетелях. Энди нужно было найти уборную. На следующем пролете она толкнула дверь и понеслась по очередному коридору в поисках туалета.

Ей пришлось бежать, чтобы успеть добраться до кабинки. Она открыла рот и стала ждать, пока ее вырвет, но теперь, когда она была на месте и нагнулась над унитазом, из нее вышла только желчь.

Энди, сколько могла, вызывала у себя рвоту, прежде чем спустить воду. Она села на закрытую крышку унитаза. Рот она протерла тыльной стороной ладони. Пот стекал по ее щеке. Она дышала так, будто только что пробежала марафон.

– Андреа?

Черт.

Она резко согнула колени, и ее ноги взлетели вверх со ско-

ростью рулонных штор. Она уперлась пятками в край крышки унитаза, словно, свернувшись в клубок, могла стать невидимой.

– Андреа? – Палаццоло в казенной полицейской обуви на толстой подошве гулко протопала по плиточному полу. Она остановилась прямо перед кабинкой Энди.

Энди уставилась на дверь. Из крана капало. Она отсчитала шесть капель, прежде чем...

– Андреа, я знаю, что ты там.

Энди закатила глаза, осознавая всю глупость этой ситуации.

– Я поняла, что ты не хочешь разговаривать, – сказала Палаццоло. – Так что, может, просто слушаешь?

Энди молчала.

– У твоей мамы могут быть очень большие неприятности. – Палаццоло секунду подождала. – Или нет.

Сердце Энди подпрыгнуло от этой возможности – *«или нет»*.

– То, что она сделала... Я это понимаю. Она защищала свою дочь. У меня самой ребенок. Я сделаю все для этого маленького парнишки. Он мой малыш.

Энди закусила нижнюю губу.

– Я могу помочь вам. Помочь вам обоим выпутаться.

Энди по-прежнему молчала.

– Я оставлю свою визитку здесь, рядом с раковиной.

Энди ждала.

– Позвони мне, в любое время, хоть днем, хоть ночью, и мы вместе, ты и я, решим, что тебе надо говорить, чтобы эта проблема исчезла. – Она сделала паузу. – Я предлагаю помощь твоей маме, Андреа. Это все, чего я хочу, – помочь.

Энди снова закатила глаза. Она уже давно усвоила, что за долгое молчание приходится платить в том числе и тем, что люди считают тебя простоватым, если не откровенно тупым.

– Но вот что. Если ты действительно хочешь помочь своей маме, – закинула удочку Палаццоло, – прежде всего ты должна сказать мне правду. О том, что произошло сегодня.

Энди чуть не засмеялась.

– И от этого мы уже будем отталкиваться. Да? – Очередная взвешенная пауза. – Да?

Да?

– Карточка рядом с раковиной, куколка. Хоть днем, хоть ночью.

Энди слушала капли, падающие из крана.

Одна капля... две капли... три... четыре... пять... шесть...

– Не хочешь подать какой-нибудь знак, например нажать на смыв, чтобы я поняла, что ты меня услышала?

Энди показала средний палец двери своей кабинки.

– Хорошо, – сказала Палаццоло. – Ну, будем считать, что ты меня услышала. Просто лучше раньше, чем позже, понимаешь? Не хотелось бы, чтобы нам пришлось тащить твою маму в участок, организовывать формальный допрос и все в

таком духе. Особенно учитывая то, что она сама пострадала. Верно?

У Энди перед глазами, словно вспышка, возник образ: она поднимается с унитаза, пинком распахивает дверь кабинки и говорит этой женщине катиться на хер.

А потом она поняла, что дверь кабинки открывается внутрь, а не наружу, и на самом деле она не сможет ее распахнуть, так что она просто ждала, сидя на унитазе, обхватив ноги руками и зарывшись головой в колени, пока детектив не ушла.

Энди так долго просидела на унитазе, что у нее хрустнуло колено, когда она наконец спустила ноги со своего места. Сухожилия затрещали, как струны расстроенного укулеле. Она открыла дверь кабинки. Подошла к раковине. Стараясь не смотреть на визитку с блестящим золотым щитом, она умыла лицо холодной водой. Ее костяшка снова начала кровить. Она обернула палец бумажным полотенцем и осторожно открыла дверь уборной.

Она оглядела коридор. Детектива Палаццо не было. Энди уже собиралась выйти, но в последний момент схватила визитку. Она отдаст ее отцу. Расскажет ему, что случилось. Копы не должны тебя допрашивать, когда у тебя есть адвокат. Все, кто смотрел «Закон и порядок», это знают.

Перед лифтом стояла толпа людей. Детектива Палаццо среди них не было, но Энди все равно решила пойти по лестнице. На этот раз она спускалась медленно. Кровотечение прекратилось. Она выбросила салфетку в мусорное ведро у лестницы. В приемном покое пахло химикатами и рвотой. Энди надеялась, что запах рвоты исходит не от нее. Она осмотрела свою рубашку – на всякий случай.

– Боже мой, – прошептал кто-то. – Господи боже мой. Телевизор.

Внезапное осознание обрушилось на Энди, как удар по

голове.

Все до единого в комнате ожидания, по меньшей мере двадцать человек, смотрели видео из дайнера по Си-эн-эн.

– Мать твою, – сказал кто-то другой.

В телевизоре руки Лоры были подняты вверх и показывали пять пальцев вместе с большим. Это означало – шесть патронов.

Хелсингер стоял перед ней. Ковбойская шляпа. Кожаный жилет. Поднятый револьвер.

Внизу телеэкрана пробежало предупреждение, что сейчас будет продемонстрирован шокирующий контент.

Какая-то женщина спросила:

– Что он делает?

Хелсингер начал доставать нож из кожаных ножен на поясе.

– Что за...

– О черт!

Толпа затихла, наблюдая за тем, что будет дальше.

Послышались восклицания и испуганные крики, словно они были в кинотеатре, а не в приемном покое.

Энди была так же заморожена происходящим на экране, как и все остальные. Чем дольше она на это смотрела, тем яснее ей становилось, как это выглядит со стороны. Кто была эта женщина на экране? Во что Лора превратилась, пока она съезжившись сидела под разбитым окном?

– Прямо какая-то бабуля-ниндзя, – пошутил кто-то.

– Рэмбобуля.

Раздался неловкий смех.

Энди не могла это слушать. Она больше не могла находиться в этом помещении, в этой больнице, в этом эмоциональном хаосе, где все связи, которые всегда крепко соединяли ее с матерью, были так резко оборваны.

Она обернулась и врезалась в мужчину, который стоял прямо у нее за спиной.

– Извините. – Он приподнял свою бейсболку с надписью «Алабама».

Энди сейчас было не до любезностей. Она шагнула влево, и он шагнул вправо. То же самое произошло, когда она сделала наоборот.

Он рассмеялся.

Она тяжело взглянула на него.

– Мои извинения. – Алабама снял бейсболку и сделал приглашающий жест, давая ей пройти.

Энди так быстро прошла через раздвижные двери, что те не успели полностью открыться. Она ударилась рукой об одну из створок.

– Тяжелый день? – Алабама проследовал за ней на улицу. Он стоял на приличном расстоянии, но даже это казалось слишком близко. – Вы в порядке?

Энди снова кинула на него тяжелый взгляд. Он что, не видел, что сейчас показывали по телевизору? Он не понял, что Энди – ни на что не годная дочь той женщины, которая

в одиночку справилась с хладнокровным убийцей?

А потом стала убийцей сама?

– Что-то не так, офицер? – Алабама все так же улыбался Энди.

Она посмотрела на свою псевдополицейскую форму. На глупый нагрудный знак серебристого цвета, напоминавший нашивку девочки-скаута, но имевший гораздо меньший вес, потому что ради нашивки девочки-скауты хотя бы что-то делали. Все, что делала Энди, – отвечала на звонки и объясняла перепуганным людям, как делать сердечно-легочную реанимацию или отключать двигатель после аварии.

Джона Ли Хелсингер подумал, что она коп.

Он подумал, что она убьет его. Застрелит. Не дрогнув.

Энди посмотрела на свои руки. Унять дрожь никак не удалось. Она готова была снова заплакать. Почему она постоянно плачет?

– Вот. – Алабама подал ей платок.

Энди уставилась на аккуратно сложенный белый кусок ткани. Она думала, Гордон был единственным, кто до сих пор носит с собой носовые платки.

– Просто пытаюсь помочь даме в беде. – Он широко улыбнулся, все еще протягивая ей платок.

Энди его не взяла. Она первый раз как следует рассмотрела этого человека. Высокий и стройный, по возрасту, вероятно, приближается к сорока. Джинсы и кеды. Воротничок белой рубашки расстегнут, рукава аккуратно закатаны

до локтей. Выглядит так, будто забыл побриться этим утром, или, может, это часть его образа.

Мысль, внезапно пришедшая ей в голову, настолько вывела ее из равновесия, что она сразу выпалила:

– Вы репортер?

Он засмеялся и покачал головой:

– Я честно зарабатываю свой хлеб.

– Вы коп? – предположила она. – Детектив? – Когда он тут же, немедленно не ответил, она сказала: – Пожалуйста, оставьте меня в покое.

– Ух ты, колючка. – Он поднял обе руки, отступая. – Я просто поддерживал светскую беседу.

Энди не хотела беседовать. Она сканировала взглядом стоянку в поисках белого «БМВ» Гордона.

Где отец?

Энди достала свой телефон. Экран был заполнен уведомлениями о пропущенных звонках и непрочитанных сообщениях. Минди Логан, Сара Аивз, Элис Блэдел. Дэнни Квон. За последние несколько часов несколько гиков⁸ из оркестра, хора и драмкружка, с которыми она дружила в старших классах, внезапно вспомнили ее номер.

Она смахнула уведомления, нажала на контакт «ПАПА» и написала: «Скорей».

Алабама, кажется, наконец понял, что она не настроена с

⁸ От *англ.* geek – энтузиаст в некоей специфической области, знаток, увлеченный человек, «ботан». (*Прим. ред.*)

ним болтать. Он засунул платок обратно в карман джинсов, подошел к одной из скамеек и присел. Достал свой телефон. Его большие пальцы забегали по экрану.

Энди огляделась, не понимая, что могло так задержать Лору. Она осмотрела ближний край стоянки. Ее отец, вероятно, оплачивает парковку, а значит, будет только минут через двадцать, потому что женщина в будке беседует с каждым, кто приходит к ней с талончиком.

Ей оставалось только ждать. Энди села через три скамейки от Алабамы. Каждый мускул в ее теле был как растянутая резинка. Голова гудела. Живот ныл. Она посмотрела, не ответил ли ей Гордон, но он никогда не проверял телефон за рулем, потому что это опасно.

Раздвижные двери открылись. При виде матери Энди почувствовала облегчение, а затем смятение. Санитар вывез каталку к бордюру. На Лоре была ярко-розовая футболка с логотипом Медицинского центра Белль-Айл. Она была слишком большой для ее стройной фигуры. Ее, очевидно, мучила непрекращающаяся боль. Цвет ее лица напоминал тетрадный лист. Здоровой рукой она крепко вцепилась в подлокотник.

– Они что, не дали тебе обезболивающее? – спросила Энди.

Лора ничего не сказала, так что за нее ответил санитар:

– Действие анестезии заканчивается. Доктор предложил выписать рецепт, но она отказалась его брать.

– Мам... – Энди не знала, что сказать. Лора даже не смотрела на нее. – Мама.

– Я в порядке, – отрезала Лора, хотя ее зубы были крепко сжаты. Она обратилась к санитару: – У вас есть сигареты?

– Ты же не куришь, – произнесла Энди в тот момент, когда ее мать потянулась к пачке «Мальборо», которую санитар достал из кармана рубашки.

Санитар прикрыл пламя рукой, когда поднес ей зажигалку.

Энди отошла в сторону, чтобы не чувствовать запаха.

Лора, казалось, даже не заметила. Она глубоко затянулась и закашлялась, выпустив изо рта облако белого дыма. Она неловко держала сигарету, зажав ее между большим и указательным пальцами, как наркоманка.

– Со мной все нормально, – проговорила она хриплым шепотом. – Мне просто нужно, чтобы меня не трогали.

Энди поймала ее на слове. Сделала еще несколько шагов, увеличивая расстояние между ними. Посмотрела в сторону въезда на парковку. Ей хотелось, чтобы Гордон поскорее приехал. Она снова начала плакать, только тихо. Она не знала, что делать. Это была какая-то бессмыслица.

Лора сказала:

– В доме твоего отца есть какие-то коробки.

У Энди задрожали губы. Молчание доконало ее. Ей нужны были ответы.

– Что я сделала не так?

– Ты ничего не сделала не так. – Лора продолжала курить сигарету. – Мне просто нужно перестать с тобой нянчиться. Ты должна научиться крепко стоять на ногах.

– Переехав к папе? – Ей нужно было найти в этом какой-то смысл. Лора всегда действовала осмысленно. – Мама, пожалуйста...

Лора сделала последнюю затяжку и передала сигарету санитару, чтобы он докурил.

– Возьми все, что нужно, чтобы переночевать, – сказала она Энди. – Отец не оставит тебя навсегда. Подумаешь над своим бюджетом. Поймешь, что ты можешь себе позволить. Может, переедешь в Атланту или даже обратно в Нью-Йорк. – Она посмотрела на дочь снизу вверх из своего кресла. – Тебе нужно оставить мой дом, Андреа. Сейчас я хочу побыть одна. Я заслужила право побыть одной.

– Я не... – слова путались у Энди во рту. – Я никогда...

– Замолчи. – Она никогда так не говорила с Энди. Она словно возненавидела ее. – Просто замолчи.

Почему?

– Слава богу, – пробормотала Лора, когда «БМВ» Гордона подъехал ко входу и остановился прямо напротив ее кресла-каталки.

– Помогите мне подняться, – Лора протянула руку санитару, но внезапно рядом с ней возник мужчина в бейсболке с Алабамой.

– Рад быть полезен, мэм, – произнес он.

Если бы Энди не смотрела на мать с таким вниманием, она не заметила бы выражение, промелькнувшее на ее лице. Паника? Страх? Отвращение?

– Вот так, – сказал он.

– Спасибо. – Лора позволила ему помочь ей подняться.

Гордон обошел машину и открыл дверь.

– Дальше я сам, – сказал он Алабама.

– Да все в порядке, здоровяк. – Алабама не выпустил руку Лоры. Он подвел ее к переднему сиденью автомобиля и нежно приподнял ее ноги, когда она уселась, глядя прямо перед собой. – Теперь будьте осторожны.

– Спасибо, – сказал Гордон.

– Всегда рад. – Алабама протянул ему руку. – Сожалею, что ваша жена и дочь оказались в такой ситуации.

– Эм... Да. – Гордон был слишком вежлив, чтобы поправить его насчет своего нынешнего семейного положения, не говоря уж о том, чтобы не пожать ему руку. – Благодарю вас.

Алабама коснулся своей бейсболки, глядя на Энди, когда она забиралась на заднее сиденье. Он закрыл за ней дверь, прежде чем она успела хлопнуть ею перед его носом.

Гордон сел за руль. Он с видимым омерзением понюхал воздух.

– Ты курила?

– Гордон, просто поезжай.

Он ждал, пока она посмотрит на него. Она не посмотрела. Он повернул ключ в зажигании. Отъехал от входа в больни-

цу, миновал въезд в гараж и остановил машину. Он повернулся к Лоре. Открыл рот. Но слов не последовало.

– Нет, – сказала она. – Не здесь. Не сейчас.

Он медленно покачал головой.

– Энди не нужно это слышать.

Гордону, казалось, было все равно.

– Отцом пацана был Бобби Хелсингер. Ты это знала?

Губы Лоры сжались. Энди стало ясно, что она знала.

Гордон продолжил:

– Он был шерифом округа Бибб, до того как грабитель банка снес ему голову выстрелом из дробовика. Это было полгода назад – примерно в то же время, когда, по словам детектива, Джона Хелсингер начал вооружаться.

Жилет и кобура.

Палаццоло сказала им, что он купил их на «Амазоне» полгода назад.

– Я прочитал некролог. У Джоны три дяди в полиции и два двоюродных брата в армии. Его мать работала в офисе окружного прокурора в Бофорте, затем открыла частную практику. Эта семья – практически элита правоохранительных органов. – Он ждал, пока Лора что-то ответит. – Ты меня слышала? Ты понимаешь, что я тебе говорю?

Лора сделала резкий вдох, прежде чем заговорить:

– То, что его семья – элита, не отменяет того факта, что он застрелил двух человек.

– Он не просто застрелил их. Он это спланировал. Он точ-

но знал, что делает. У него были карты и... – Гордон покачал головой, будто не мог поверить, что она была настолько глупа. – Как ты считаешь, его семья скорее поверит, что их сыночек – садист и убийца, или скажет, что у него были определенные психические проблемы, потому что его героического папашу убил грабитель банка, и это был крик о помощи?

– Они могут говорить что захотят.

– Это, мать твою, первая осмысленная вещь, которую ты пока что сказала, – взорвался Гордон. – Хелсингеры будут говорить *именно* то, что захотят: что да, этот бедный, несчастный сыночек мертвого копа, конечно, заслужил тюрьму за то, что сделал, но он не заслужил быть жестоко убитым.

– Это не...

– Они отнесутся к тебе жестче, чем к нему, Лора. Ты оказала этому парню услугу. Теперь все разговоры будут о том, что сделала *ты*, а не о том, что сделал *он*.

Лора молчала.

Энди затаила дыхание.

– Ты в курсе, что есть видеозапись? – спросил Гордон.

Лора не ответила, хотя она наверняка видела телевизор, когда санитар вез ее через приемный покой.

– Детектив показала нам... – Он остановился, чтобы проглотить комок в горле. – Выражение твоего лица, когда ты убивала его, Лора... Абсолютная безмятежность. Будничность! Как, по твоему мнению, это будет выглядеть в сравнении с психически травмированным подростком-сиротой?

Лора отвернула голову и посмотрела в окно.

– Знаешь, о чем без конца спрашивала детектив? Снова и снова?

– Легавые всегда задают кучу вопросов.

– Хватит страдать херней, Лора! Что ты сказала, прежде чем убить его? – Гордон ждал, но она не отвечала. – Что ты сказала Хелсингеру?

Лора продолжала глядеть в окно.

– Что бы ты ему ни сказала, это свидетельствует о мотивах твоих действий. В этом заключается разница между возможным – возможным! – оправданием убийства и смертным приговором.

Энди почувствовала, как замерло ее сердце.

– Лора? – Он ударил ладонью по рулю. – Да черт возьми! Отвечай мне! Отвечай, или я...

– Я не дура, Гордон. – Тон Лоры был настолько холодным, что обжигал. – Почему, ты думаешь, я отказалась говорить с полицией? Почему, ты думаешь, я велела Андреа держать рот на замке?

– Ты хочешь, чтобы наша дочь лгала офицеру полиции? Чтобы лжесвидетельствовала в суде?

– Я хочу, чтобы она делала то, что она делает всегда, и держала рот на замке. – Она говорила тихим голосом, но ярость в нем была настолько ощутима, что казалось, воздух вибрировал.

Почему мать не скажет Гордону, что он ошибается? По-

чему не скажет, что у нее не было выхода? Что она спасала Энди? Что это была самозащита? Что она в ужасе от того, что сделала? Что она запаниковала, или просто неадекватно отреагировала, или что была напугана и что ей жаль, ужасно жаль, что она убила этого несчастного парня?

Энди опустила руку в карман. Визитка детектива была влажной от воды на раковине.

Палаццо еще раз пыталась со мной поговорить. Она хотела, чтобы я донесла на тебя. Она дала мне свою визитку.

– Лора, это жизненно важно.

Она делано рассмеялась.

– Интересный выбор слов.

– Копы стоят за своих. Ты разве этого не знаешь? Они держатся друг за друга, несмотря ни на что. Их братство не какой-то миф, о котором говорят по телевизору. – Гордон настолько рассвирепел, что его голос сорвался. – Вся эта история превратится в крестовый поход во имя – и фамилию – этого пацана.

Лора вдохнула, медленно выпустила воздух из легких.

– Мне просто... Мне просто нужно время, Гордон. Мне нужно какое-то время в одиночестве, чтобы как следует подумать.

– Тебе нужен юрист по уголовным делам, чтобы подумать за тебя.

– А тебе нужно прекратить говорить мне, что делать! –

со страшной злобой проскрежетала она. – Хоть когда-нибудь твои попытки меня застрашать срабатывали? Срабатывали? – Она не ждала ответа. Она повернулась к Гордону и заорала на него: – Вот почему я ушла от тебя! Мне нужно было сбежать от тебя, вычеркнуть тебя из своей жизни, потому что ты понятия не имеешь, кто я. Никогда не понимал и никогда не поймешь.

Каждое слово было как пощечина.

– Господи. – Лора ухватилась за поручень над дверью и попыталась переместить вес со своей больной ноги. – Ты так и будешь стоять или мы все-таки поедem?

Энди ждала, что отец скажет Лоре, что до дома она может добираться пешком, но он этого не сделал. Он отвернулся от нее и посмотрел вперед. Включил передачу. Глянул через плечо, прежде чем нажать на газ.

Машина двинулась.

Энди сама не поняла зачем, но повернулась, чтобы посмотреть в заднее ветровое стекло.

Алабама так и стоял под навесом у входа в больницу. Он приподнял бейсболку еще один, последний раз.

Выражение лица ее матери... Паника? Страх? Отвращение?

«Что-то не так, офицер?»

Алабама продолжал стоять как вкопанный, когда Гордон свернул налево и съехал с подъездной дороги. Он все еще стоял, когда они уже ехали по улице.

Энди смотрела, как он смотрит на их машину, пока он не превратился в маленькую точку вдалеке.

«Сожалею, что ваша жена и дочь оказались в такой ситуации».

Откуда он знал, что Гордон ее отец?

Энди стояла под душем, пока не кончилась горячая вода. Навязчивые мысли носились в ее голове, как стая moskitov. Она не могла моргнуть, чтобы не вспомнить какой-то случайный момент в дайнере, на видео, во время допроса, в машине.

Все это казалось полной бессмыслицей. Ее мать – пятидесятипятiletняя специалистка по нарушениям речи. Боже, да она в бридж играет! Она не убивает людей, не курит сигареты и не конфликтует с «легалыми».

Энди старалась не смотреть на свое отражение в зеркале, пока сушила волосы в ванной. Ее кожа на ощупь была как наждачная бумага. Из головы торчала целая россыпь мелких стеклянных осколков. Края потрескавшихся губ начали кровоточить. Нервы никак не успокаивались. По крайней мере она надеялась, что это нервы. Может, она была такой дерганой из-за недосыпа, или из-за дефицита адреналина, или из-за безнадежного отчаяния, которое она испытывала каждый раз, когда вспоминала, что ей сказала Лора, прежде чем Энди зашла в дом.

«Я не собираюсь менять свое решение. Ты должна уйти

сегодня».

Сердце Энди так болело, что взмах пера мог бы вывернуть его наизнанку.

Она перебрала стопку чистых вещей и нашла пару спортивных шортов с подкладкой и темно-синюю рабочую рубашку. Она быстро оделась и подошла к окну, застегивая пуговицы. Гараж стоял в стороне от дома. Комнатка над ним была ее секретной пещерой. Серые стены. Серый ковер. Плотные шторы. Потолком служила покатая крыша, и жить здесь можно было только благодаря двум крошечным мансардным окнам.

Энди стояла у одного из них и смотрела на дом матери. Она не слышала, как спорят ее родители, но знала, что происходит, как обычно люди знают, что умудрились заработать отравление. Ее охватило ужасное, липкое ощущение, что что-то не так.

Смертный приговор.

Где ее мать вообще научилась так останавливать ножи? Лора никогда не имела никакого отношения к армии. Насколько Энди знала, она никогда не посещала никакие курсы самообороны.

Почти каждый день своей жизни последние три года ее мать проводила либо пытаясь не умереть от рака, либо переживая жуткие унижения, которые влекло за собой лечение. Не то чтобы у нее было много свободного времени упражняться в рукопашном бое. Энди удивляло, что мать в

принципе может так быстро двигать рукой. Лора с трудом поднимала пакет из магазина даже здоровой рукой. Рак груди поразил ее грудную клетку. Врачам пришлось удалить часть мышечной ткани.

Адреналин.

Может быть, дело в этом. Бывали же самые разные истории про матерей, которые поднимали автомобили, чтобы спасти своего ребенка, и демонстрировали прочие невероятные физические способности, защищая своих детей. Конечно, это происходило не каждый день, но такие случаи были.

Однако это не объясняло выражение лица Лоры, когда она выдергивала нож. Пустое. Практически профессиональное. Ни паники. Ни страха. Она могла с тем же успехом сидеть за столом и просматривать карту пациента.

Энди содрогнулась.

Вдалеке прогремел гром. Солнце должно было сесть только через час, но тучи были темными, тяжелыми и предвещали ливень. Энди слышала, как на берег обрушиваются волны. Чайки крикливо обсуждали планы на ужин. Она снова опустила взгляд на аккуратное бунгало своей матери. Гордон расхаживал взад и вперед перед кухонным окном. Мать сидела за столом, но единственное, что Энди могла разглядеть, – это ее рука, не та, которая была зафиксирована на уровне ее талии, а та, которая лежала перед ней на салфетке. Лора периодически постукивала пальцами, но в основном сидела неподвижно.

Энди увидела, как Гордон всплеснул руками. Он пошел в сторону кухонной двери.

Энди отошла назад в тень. Она услышала, как дверь с грохотом захлопнулась. Снова осторожно выглянула в окно.

Гордон спускался по ступенькам веранды. Детектор движения среагировал и включил яркие фонари. Он поднял голову и посмотрел на них, прикрыв глаза рукой. Вместо того чтобы пойти в жилище Энди, он остановился на нижней ступеньке, сел и уронил голову на ладони.

Сначала она подумала, что он плачет, но потом поняла, что он пытается вернуть себе самообладание, чтобы Энди не разволновалась еще больше, когда увидит его.

Она видела, как Гордон плачет, всего однажды. Только один раз. Это было в самом начале развода ее родителей. Он не дал волю эмоциям, не разрыдался, ничего такого. То, что с ним произошло, было гораздо хуже. Слезы просто катились по его лицу: одна длинная мокрая дорожка за другой, как конденсат по стеклу. Он не переставая шмыгал носом и вытирал слезы тыльной стороной ладони. Он вышел на работу утром, будучи уверенным, что вот уже четырнадцать лет состоит в счастливом, крепком браке, а к обеду ему доставили документы на развод.

«Я не понимаю, – говорил он Энди в перерывах между всхлипываниями. – Я просто не понимаю».

Энди не помнила человека, который был ее настоящим отцом, и даже слова «настоящий отец» звучали как преда-

тельство по отношению к Гордону. «Донор спермы» звучало как-то слишком по-феминистски. Не то чтобы Энди не была феминисткой, но она не хотела быть такой феминисткой, которых ненавидят мужчины.

Ее биологический отец был офтальмологом, с которым Лора познакомилась на курорте. Что было странно, потому что мать ненавидела любые путешествия. Энди думала, что они встретились на Багамах, но ей рассказывали эту историю настолько давно, что некоторые детали стерлись.

Вот что ей было известно: ее биологические родители так и не поженились. Энди родилась в первый год их отношений. Ее биологический отец, Джерри Рэндалл, погиб в автокатастрофе по дороге домой из Чикаго, когда Энди было полтора года.

В отличие от родителей Лоры, которые умерли еще до рождения Энди, бабушка и дедушка со стороны биологического отца – Лаверн и Фил Рэндалл – были еще живы. У нее было где-то старое фото, на котором она, в возрасте не старше двух лет, сидит у них на коленях. На обшитой деревянными панелями стене за их спинами висела картина с изображением пляжа. Диван выглядел потрепанным. Они казались добрыми людьми и, может, в каком-то смысле такими и были, но они разорвали отношения и с Лорой, и с Энди, когда в их жизни появился Гордон.

Кто бы мог подумать. Гордон был членом «Фи Бета Сиг-

ма»⁹, выпускником Школы права Джорджтаунского университета, на последних курсах обучения работал добровольцем-координатором в Habitat for Humanity¹⁰. Гордон играл в гольф, слушал классическую музыку, возглавлял местное общество дегустаторов вина, а в качестве своего призвания выбрал одну из самых скучных областей права и помогал состоятельным людям распорядиться, на что пойдут их деньги после смерти.

Если биологические дедушка и бабушка Энди отказали в общении самому пафосному, самому надутому черному парню на свете только из-за цвета его кожи, то Энди была рада не иметь с ними никаких контактов.

Дверь на кухню открылась. Энди увидела, как Гордон встает. Он снова потревожил фонари. Лора передала ему тарелку с едой. Гордон что-то сказал, но Энди не расслышала. Вместо ответа Лора хлопнула дверью.

Через кухонное окно Энди видела, как ее мать возвращается за стол, хватаясь за стойку, за дверной косяк, за спинку стула – за все, что можно, – чтобы уменьшить давление на

⁹ «Фи Бета Сигма» (*англ.* Phi Beta Sigma, *греч.* ΦΒΣ) – одно из студенческих братств, т. е. общественных организаций студентов высших учебных заведений. Основано в 1914 г. в Университете Говарда в Вашингтоне. Исторически является афроамериканским братством. (*Прим. пер.*)

¹⁰ Habitat for Humanity International (также HFHI и просто Habitat for Humanity (*англ.*) – Среда обитания для человечества) – международная неправительственная некоммерческая организация, основанная в 1976 году, занимающаяся главным образом строительством простого и доступного жилья для бедных и бездомных по всему миру. (*Прим. пер.*)

больную ногу.

Энди могла бы помочь ей. Она могла бы быть там, внизу, делать своей матери чай или помогать ей смыть больничный запах, как она делала много раз до этого.

«Я заслужила право побыть одной».

Внимание Энди привлек телевизор, стоявший у ее кровати. Экран был совсем маленький, раньше он стоял у мамы на кухне. По привычке Энди включила его, когда вошла в дверь. Звук был отключен. По Си-эн-эн снова показывали видео из дайнера.

Энди закрыла глаза, потому что знала, что на этом видео.

Она вдохнула.

Выдохнула.

Кондиционер гудел у нее в ушах. Вентилятор под потолком ухал лопастями. Она чувствовала, как холодный воздух обволакивает ее шею и лицо. Как же она устала. Ее мозги будто были заполнены медленно перекачивающимися морскими камешками. Ей хотелось спать, но она знала, что ей нельзя спать здесь. Этой ночью ей нужно будет остаться у Гордона, а завтра с утра, первым же делом, ее отец потребует от нее составить какой-то план. Гордону всегда нужен был план.

Дверца машины открылась и снова захлопнулась. Энди знала, что это ее отец, потому что соседские особняки, настолько большие, что буквально закрывали собой солнце, всегда пустовали в периоды самой экстремальной летней жа-

ры.

Она услышала шаркающие шаги на подъездной дорожке. А потом тяжелые шаги Гордона на металлической лестнице в ее комнату.

Энди быстро достала мусорный мешок из упаковки. Она должна была собирать вещи. Она открыла верхний ящик шкафа и скинула свое нижнее белье в мешок.

– Андреа? – Гордон постучался в дверь и открыл ее.

Он оглядел комнату. Было непонятно, то ли Энди ограбили, то ли тут прошелся торнадо. Грязная одежда устила-ла пол. Обувь была свалена на сплюсненной коробке с двумя так и не собранными обувными подставками из «ИКЕА». Дверь в ванную была открыта. Ее трусики-шорты, которые она носила во время месячных, уже вторую неделю висели, скукожившись, на полотенцесушителе.

– Вот. – Гордон протянул ей тарелку, которую ему дала Лора. Бутерброд с арахисовым маслом и джемом, картошка и огурцы. – Твоя мама сказала, чтобы я заставил тебя что-нибудь съесть.

Что еще она сказала?

– Я попросил бутылку вина, но получил это. – Он полез в карман куртки и достал маленькую бутылку пятидесятиградусного виски «Ноб Крик». – Ты знала, что твоя мать держит дома бурбон?

Энди с четырнадцати лет знала о заначке матери.

– Неважно, я думаю, это в любом случае поможет немного

успокоить нервы. Снять напряжение. — Он сорвал бумажку с горлышка. — Какова вероятность, что у тебя найдется пара чистых стаканов посреди всего это беспорядка?

Энди поставила тарелку на пол. Она пошарила под диваном и нашла открытую упаковку одноразовых стаканчиков.

Гордон поморщился.

— Наверное, это все же лучше, чем передавать друг другу бутылку, как пара бомжей.

Что сказала мама?

Он налил на два пальца бурбона.

— Поешь, прежде чем выпить. У тебя пустой желудок, и ты устала.

Энди не пила с тех пор, как вернулась в Белль-Айл. Она не была уверена, что хочет прерывать свое воздержание. Но все-таки взяла стакан и села на пол, скрестив ноги, чтобы отец смог сесть на стул.

Он принялся к обивке стула.

— Ты завела собаку?

Энди набрала полный рот бурбона. У нее заслезились глаза.

— Мы должны поднять тост за твой день рождения, — сказал Гордон.

Она поджала губы.

Он поднял стакан.

— За мою прекрасную дочь.

Энди отсалютовала в ответ. И сделала еще глоток.

Гордон даже не пригубил. Он полез в карман своего костюма и извлек из него белый почтовый конверт.

– Вот, прихватил для тебя. Извини, что не успел упаковать как-то посимпатичнее.

Энди взяла конверт. Она знала, что внутри. Гордон всегда покупал для нее подарочные карты, потому что знал, какие магазины ей нравятся, но не понимал, что именно ей нравится в них покупать. Она высыпала содержимое конверта на пол. Две карты по 25 долларов с заправки неподалеку. Две карты по 25 долларов для «АйТюнс». Две карты по 25 долларов из онлайн-магазина «Таргет». Одна карта на 50 долларов из магазина товаров для художников. Она подняла листочек бумаги. Он распечатал купон, по которому можно было бесплатно получить второй сэндвич в «Сабвэе».

– Я знаю, ты любишь сэндвичи. Я подумал, мы могли бы сходить туда вместе. Если, конечно, ты не хочешь взять кого-то другого.

– Это просто здорово, пап. Спасибо.

Он поболтал бурбон в стакане, но так и не выпил.

– Тебе нужно поесть.

Энди откусила сэндвич. Она подняла глаза на Гордона. Он снова приглаживал свои усы, проводя по ним двумя пальцами так же, как между лопатками Мистера Мяукинса.

– Не представляю, что происходит в голове у твоей матери.

Челюсти Энди скрежетали друг о друга, пока она жевала

сэндвич. С тем же успехом она могла есть картон, обмазанный пастой.

– Она велела сообщить тебе, что оплатит твой долг за обучение.

Энди подавилась очередным куском.

– Я точно так же отреагировал.

Долг Энди был у них больной темой. Гордон предложил ей рефинансировать долг, чтобы не платить ежемесячно почти 800 долларов только по процентам, но по какой-то причине, известной лишь ее подсознанию, она умудрилась пропустить крайний срок для сбора документов.

– Твоя мать хочет, чтобы ты вернулась в Нью-Йорк. Исполнила свои мечты. Она сказала, что поможет тебе с переездом. Финансово. Внезапно она стала очень свободно распоряжаться деньгами.

Энди пыталась языком отлепить арахисовое масло от своего нёба.

– Сегодня ты можешь остаться на ночь у меня. Завтра мы что-нибудь придумаем. План. Я... я не хочу, чтобы ты возвращалась в Нью-Йорк, милая. По-моему, ты никогда не была там счастлива. Мне показалось, что он забрал частичку тебя; забрал что-то из твоей «эндивости».

Энди с оглушительным звуком сглотнула.

– Когда ты вернулась домой, ты так хорошо себя проявила, заботясь о маме. Очень хорошо. Но, может, от тебя слишком много хотели. Может, мне стоило помогать больше

или... Я не знаю. На тебя столько всего свалилось. Такое давление. Такой стресс. – Его слова были полны отчаянно-го раскаяния, будто это он был виноват, что у Лоры нашли рак. – Мама права, тебе надо начать жить своей жизнью. Построить карьеру и, может, ну, я не знаю, может быть, однажды завести семью. – Он поднял руки, чтобы остановить ее возражения. – Я знаю, что немного опережаю события, но в чем бы ни была проблема, я не думаю, что переезд в Нью-Йорк – это решение.

Взгляд Гордона переместился в сторону телевизора. Что-то привлекло его внимание.

– Это же... из твоей школы... как ее...

Вот сволочь.

Си-эн-эн охарактеризовал Элис Блэдел, одну из подруг Энди в школе, как «близкого друга семьи».

Энди нашла пульт и включила звук.

– ...всегда была такой крутой мамой, – рассказывала репортерам Элис, которая не разговаривала с Энди больше десяти лет. – Можно было, знаете, поговорить с ней о своих проблемах, и, ну, она никого не осуждала, понимаете? – Элис пожимала плечами при каждом слове, словно ее били током. – Я не знаю, так странно было смотреть на нее на видео, потому что, ну, понимаете, ты такой: вау, это же миссис Оливер, но потом все как в «Убить Билла», когда мама абсолютно нормальная при своем ребенке, а на самом деле втайне она машина для убийств.

Рот Энди все еще был набит арахисовым маслом, но она смогла выдавить из себя эти слова:

– Машина для убийств?

Гордон забрал у Энди пульт. Выключил звук. Уставился на Элис Блэдел, которая по-прежнему разевала рот, хотя вообще ни черта не знала.

Энди налила еще виски в свой пустой стакан. Элис ушла с показа «Убить Билла», потому что, по ее словам, фильм был глупым, и теперь использовала его как культурную параллель.

Гордон произнес:

– Уверен, что она еще пожалеет о том, как выбирает выражения.

Как она пожалела о том, что подхватила остроконечные кондиломы у Адама Хамфри.

Он попытался заговорить еще раз:

– Я не знал, что ты снова общаешься с Элис Блэдел.

– Я и не общаюсь. Она эгоистичная корыстная сучка. – Энди проглотила весь бурбон за один присест. Закашлялась, когда он внезапно обжег ей горло, и налила еще.

– Может, тебе стоит...

– Они машины поднимают, – выпалила Энди, хотя хотела сказать не совсем то. – Матери, я имею в виду. Ну, на адреналине, когда они видят, что их дети в опасности. – Она подняла руки, изображая процесс поднятия перевернутого автомобиля.

Гордон пригладил усы двумя пальцами.

– Она была такая спокойная, – сказала Энди. – В дайнере.

Гордон откинулся на стуле.

Энди продолжила:

– Люди кричали. Это было ужасно. Я не видела, как он стрелял. Первого выстрела не видела. А второй уже видела. – Она потеряла ладонью подбородок. – Знаешь, как говорят в кино: «Я тебе башку снесу»? Так это и происходит. На самом деле так это и происходит.

Гордон сложил руки на груди.

– Мама побежала в мою сторону. – Картина снова встала у нее перед глазами. Крошечные кровавые точки как веснушки на лице Лоры. Ее руки, выброшенные вперед, чтобы стянуть Энди на пол. – Она выглядела испуганной, пап. Это был единственный момент, когда я помню ее испуганной.

Он молчал.

– Ты смотрел видео. Ты видел, что я делала. Ничего я не делала. Я была в панике. Совершенно беспомощная и бесполезная. Поэтому... – Она с большим трудом смогла облечь свой страх в слова. – Поэтому мама злится на меня? Потому что я струсил?

– Совершенно точно нет. – Он решительно замотал головой. – Нет такого понятия как трусость в подобных ситуациях.

Энди задумалась, прав ли он и, что важнее, согласна ли с ним ее мать.

– Андреа...

– Мама убила его. – Произнеся эти слова, она будто проглотила пылающий кусок угля. – Она могла бы забрать у него пистолет. Ей хватило бы на это времени – чтобы нагнуться и взять его, а вместо этого она выпрямилась и...

Гордон ее не прерывал.

– Ну правда, ведь хватило бы ей времени? Или нет смысла думать, что она была способна принимать рациональные решения? – Энди уже не ждала ответа. – Она выглядела спокойной на видео. Безмятежной, как ты выразился. Но, может, мы оба правы, потому что на самом деле у нее не было никакого выражения. Ничего, понимаешь? Ты видел ее лицо. Сама будничность.

Он кивнул, но не прервал ее.

– Когда все происходило, я смотрела сзади. Я к тому, что я была за ней, понимаешь? Когда все происходило. А потом я увидела видео спереди, и... там все выглядело иначе. – Энди пыталась как-то удержать ход своих путающихся мыслей. Она съела пару кусочков картошки, надеясь, что крахмал абсорбирует часть алкоголя. – Я помню момент, когда нож уже был в шее у Джоны и он поднял пистолет, – я очень четко помню, что он мог бы застрелить кого-то. Застрелить меня. Тут много сил не надо – нажать на курок, верно?

Гордон кивнул.

– Но если смотреть спереди, ты видишь мамино лицо и начинаешь сомневаться, правильно ли она поступила. Если бы

она об этом подумала, то да, она могла бы забрать пистолет, но она не собиралась этого делать. Она собиралась убить его. И это было не из страха и не из чувства самосохранения, это было вроде как... сознательное решение. Словно она машина для убийств. — Энди поверить не могла, что воспользовалась мерзким выражением Элис Блэдел, чтобы описать свою мать. — Я просто не понимаю, пап. Почему мама не поговорила с полицией? Почему она не сказала им, что действовала в рамках самообороны?

Почему она всех заставляет думать, что осознанно совершила убийство?

— Я просто не понимаю, — повторила Энди. — Я не знаю, что и думать.

Гордон опять пригладил усы. Это уже становилось нервной привычкой. Он не сразу ей ответил. Он привык очень осторожно выбирать выражения. А тут почва казалась особенно зыбкой. Никто из них не хотел сказать такие слова, которые потом нельзя будет взять обратно.

Твоя мать убийца. Да, у нее был выбор. И она выбрала убить этого парня.

В конце концов он сказал:

— Я понятия не имею, как твоя мать могла сделать то, что сделала. Как могла думать таким образом. Принимать такие решения. Почему она так вела себя с полицией. — Пожав плечами, он поднял руки. — Можно предположить, что ее нежелание говорить об этом, ее злость — результат посттравмати-

ческого стресса, или, может, эти события вызвали какие-то неприятные воспоминания из ее детства, о которых мы не знаем. Она никогда не любила говорить о прошлом.

Он сделал паузу, чтобы собраться с мыслями.

– Насчет того, что твоя мать сказала сегодня в машине... Она права. Я не знаю ее. Мне непонятна ее мотивация. То есть, конечно, я понимаю, что у нее сработал инстинкт защитить тебя. И очень рад, что он сработал. И очень за это благодарен. Но то, *как* она это сделала... – Он снова позволил своему взгляду остановиться на экране телевизора. Очередные говорящие головы. Кто-то демонстрировал схему молла, объясняя, каким маршрутом воспользовался Хелсингер, чтобы добраться до дайнера. – Андреа, я просто не знаю. – И он еще раз повторил: – Я просто не знаю.

Энди допила виски. Под пристальным взглядом отца она налила себе еще.

– Многовато алкоголя на пустой желудок, – заметил он.

Энди запихнула остатки сэндвича в рот. Она отправила его пережевывать на одну сторону, чтобы спросить:

– Ты знаешь того парня из больницы?

– Какого парня?

– Который был в кепке с Алабамой и помог маме сесть в машину.

Он покачал головой.

– А что?

– Мне показалось, что мама его знает. Или, может, даже

боится его. Или... – Энди остановилась, чтобы проглотить еду. – Он знал, что ты мой папа, о чем большинство людей не догадывается.

Гордон подергал кончики своих усов. Очевидно, он пытался припомнить их короткий обмен репликами.

– Твоя мать знает многих людей в этом городе. У нее много друзей. Что, я надеюсь, ей поможет.

– Ты имеешь в виду в юридическом смысле?

Он не ответил.

– Я связался с адвокатом по уголовным делам, к услугам которого уже прибегал раньше. Он довольно агрессивный, но это именно то, что сейчас нужно твоей матери.

Энди отпила еще бурбона. Гордон был прав: она превысила свою норму. Энди почувствовала, что у нее закрываются глаза.

– Когда я только познакомился с твоей матерью, я подумал, что она – загадка. Потрясающая, прекрасная, сложная загадка. Но потом я понял, что какие бы комбинации ни пробоval, как близко я ни подобрался бы, она никогда до конца не откроется мне.

Он наконец выпил немного бурбона. Но не заглотил его, как Энди, а дал ему медленно прокатиться по горлу.

– Я наболтал лишнего. Прости, милая. Это был непростой день, и я не особо преуспел в том, чтобы облегчить ситуацию. – Он показал на ящик для рисования. – Я так полагаю, ты хочешь взять его с собой?

– Я заберу его завтра.

Гордон внимательно на нее посмотрел. В детстве она просто с ума сходила, если ее художественные принадлежности не были постоянно под рукой.

– Я слишком устала, чтобы что-то делать: сейчас я смогу только заснуть. – Она не сказала ему, что не держала в руках угольный карандаш или альбом с первого года в Нью-Йорке. – Пап, мне поговорить с ней? Не чтобы попросить остаться, а просто узнать: почему?

– Мне не кажется, что здесь я могу дать тебе совет.

Это, вероятно, значило, что не стоит.

– Милая. – Кажется, Гордон ощутил ее подавленность. Он наклонился и положил руки ей на плечи. – Все образуется. Мы поговорим о твоём будущем в конце месяца, хорошо? Так у нас останется целых одиннадцать дней, чтобы сформулировать план.

Энди закусил губу. Гордон сформулирует план. Энди будет делать вид, что у нее еще куча времени, чтобы его обдумать, а потом, на десятый день, она запаникует.

– Сейчас мы возьмем только твою зубную щетку, расческу и что еще тебе точно понадобится, а все остальное соберем завтра. И нужно пригнать твою машину. Я так понимаю, она у торгового центра?

Энди кивнула. Она совершенно забыла о машине. «Хонда» Лоры тоже была там. Обе наверняка уже либо заблоки-

ровали¹¹, либо эвакуировали на штрафстоянку.

Гордон встал. Он закрыл ее ящик для рисования и поставил на пол, убрав его с прохода.

– Я думаю, твоей матери просто нужно побыть какое-то время в одиночестве. Помнишь, как раньше она уезжала кататься?

Энди помнила.

На выходных, когда Энди и Гордон занимались каким-нибудь ее проектом, или Гордон занимался проектом, а Энди сидела рядом и читала книгу, Лора легко могла ворваться к ним с ключами в руках и заявить: «Меня весь день не будет».

Почти всегда она привозила шоколадку для Энди или хорошую бутылку вина для Гордона. Однажды она привезла «снежный шар» из Музея Табмана в Мейконе, в двух с половиной часах езды от дома. Каждый раз, когда они спрашивали, куда она уезжала и зачем, она отвечала что-то в духе: «Ну, знаете, мне просто нужно было побыть где-то, кроме дома».

Энди оглядела тесную, захламленную комнату. Внезапно она стала больше похожа не на пещеру, а на конуру.

Она опередила Гордона, сказав:

– Нам пора идти.

– Пора. Но это я оставлю на веранде у твоей матери. – Гордон убрал в карман бутылку бурбона. Он задумался, а потом

¹¹ В США существует практика блокировки колес автомобиля за неправильную парковку. (Прим. пер.)

добавил: – Ты же знаешь, ты всегда можешь поговорить со мной, родная. Просто я хотел бы, чтобы ты могла делать это, не будучи подшофе.

– Подшофе. – Энди рассмеялась над этим глупым словом, потому что вторым вариантом было заплакать, а ее уже тошнило от слез. – Пап, я думаю... Наверное, мне тоже нужно побыть какое-то время одной.

– Ла-а-адно, – настороженно протянул он.

– Ну, то есть, не до конца жизни. Я просто подумала, что было бы неплохо пройтись до твоего дома пешком. – Ей придется еще раз принять душ, но было что-то привлекательное в том, чтобы погрузиться в эту знойную влажную ночь. – Ничего?

– Конечно. Я попрошу Мистера Мяукинса согреть для тебя постель. – Гордон поцеловал ее в макушку и подхватил пластиковый мешок, в который она свалила свое белье. – Только не задерживайся тут слишком долго. У меня приложение в телефоне говорит, что через полчаса начнется дождь.

– Не задержусь, – пообещала она.

Он открыл дверь, но остановился.

– В следующем году все станет лучше, Андреа. Время все расставит по своим местам. Мы переживем то, что случилось сегодня. Мама снова станет самой собой. Ты уже будешь крепко стоять на ногах. Твоя жизнь вернется в правильное русло.

Она подняла вверх скрещенные пальцы.

– Все станет лучше, – повторил Гордон. – Обещаю.

Он закрыл за собой дверь.

Энди слышала его тяжелые шаги на лестнице.

Она ему не поверила.

Энди перевернулась с боку на бок. Смахнула что-то с лица. Спящая половина ее мозга решила, что это был Мистер Мяукинс, но полупроснувшаяся половина говорила, что предмет был слишком податливым для жирного трехцветного кота. И что она не могла быть в доме своего отца, потому что не помнила, как туда шла.

Она слишком быстро села и сразу повалилась назад, потому что у нее закружилась голова.

Из рта Энди сам собой раздался стон. Она зажала пальцами веки. Она не могла понять, была ли она еще «подшофе» из-за виски или уже официально мучилась от похмелья, но головная боль, начавшаяся сразу после стрельбы, сдавливала ей череп, как медвежья пасть.

Стрельба.

Теперь у случившегося было название. У события, которое навсегда отрубило ее жизнь *до* от ее жизни *после*.

Энди безвольно раскинула руки в стороны. Она заморгала, чтобы глаза привыкли к темноте. Беззвучно мерцал телевизор. Под потолком ухал вентилятор. Она была в своей комнате и лежала, распластавшись на куче чистой одежды, которую свалила на раскладной диван. Последнее, что она помнила, – как искала чистую пару носков.

Дождь барабанил по крыше. Молния зигзагами сверкала

в крошечных мансардных окнах.

Черт.

Пообещав отцу не задерживаться, она все-таки задержалась, и теперь перед ней стоял выбор: либо умолять его вернуться за ней, либо идти пешком под дождем, который по звуку больше напоминал тропический ливень.

Очень медленно она снова приняла сидячее положение. Затем внимание Энди привлек телевизор. По Си-эн-эн показывали фото Лоры двухлетней давности. Лысая голова замотана розовым шарфом. На лице усталая улыбка. Марафон, посвященный профилактике рака молочной железы, который проходил в Чарльстоне. Энди на фотографии обрезали, но ее руку на плече Лоры все равно было видно. Кто-то – может, друг, а может, посторонний – украл этот личный, откровенный момент и продал его телевидению.

На экране появилась информация о Лоре, своего рода резюме:

- 55 лет, разведена
- один взрослый ребенок
- специалист по нарушениям речи
- официальной военной подготовки не имеет.

Картинка поменялась. Заиграло видео из дайнера с непрерывным предупреждением о том, что некоторым зрителям оно может показаться шокирующим.

«Они отнесутся к тебе жестче, чем к нему, Лора. Ты оказала этому парню услугу. Теперь все разговоры будут о том,

что ты сделала, а не о том, что сделал он».

Энди было невыносимо снова смотреть на это, да и не надо было, потому что она могла на секунду закрыть глаза и увидеть все, что там происходило, у себя в голове. Она выбралась из постели. Телефон она нашла в ванной. 1:18 ночи. Она проспала больше шести часов. Гордон не писал, что было каким-то чудом. Вероятно, он был так же измотан, как и Энди. Или, может, он подумал, что Лора и Энди смогли как-то помириться.

Если бы.

Она нажала на текстовые сообщения и выбрала контакт «ПАПА». У нее заслезились глаза, свет телефона резанул их, как лезвием. Мозги Энди бессмысленно болтались у нее в голове. Она быстро набрала извинения на тот случай, если отец проснется, обнаружит ее постель пустой и запаникует: «уснула почти на месте не волнуйся у меня есть зонт».

Насчет зонта – это была ложь. И насчет того, что она почти на месте. И насчет того, что ему не надо волноваться, потому что в нее запросто могла попасть молния.

Вообще, учитывая то, как прошел ее день, шансы поджариться от удара электрическим током показались Энди невероятно высокими.

Она посмотрела в мансардное окно. В доме матери было темно, не считая окна в ее кабинете. Было очень маловероятно, чтобы Лора работала. Во время своей долгой болезни она спала в глубоком мягком кресле в гостиной. Может, Ло-

ра случайно забыла выключить свет в кабинете, а потом у нее уже просто не было сил пройти с хромой ногой по коридору туда и обратно?

Энди отвернулась от окна. Ее снова привлек телевизор. Лора всаживала нож в шею Джоны Хелсингера.

Хруст.

Энди нужно было убираться отсюда.

Рядом со стулом стояла напольная лампа, но в ней уже неделю как перегорела лампочка. Верхний свет был слишком ярким и засиял бы, как маяк в ночи. Энди воспользовалась фонариком на своем телефоне, чтобы поискать пару старых кедов, которые вряд ли могли пережить ливень, и купленный в круглосуточном магазине плащ. Ей тогда показалось очень зрелым решением приобрести что-то подобное на случай необходимости.

Именно поэтому она оставила его в бардачке своей машины. Ведь как еще она могла оказаться на улице под дождем? Только если бы он застал ее в машине без зонтика!

Молния осветила каждый уголок в комнате.

Вот дерьмо.

Энди достала из ящика еще один мусорный мешок. Разумеется, никаких ножниц у нее не было. Она зубами прорвала в пакете дыру диаметром примерно со свою голову. Она достала телефон, чтобы посмотреть на свои успехи.

Экран замигал, а затем погас.

Последними словами, которые увидела Энди, были: «Низ-

кий уров...».

Она увидела торчащий из розетки переходник. Провод был в машине. Машина была в двух с половиной милях отсюда, припаркована напротив фирменного бутика мужской одежды.

Если ее не отогнали на штрафстоянку.

– Твою мать! – прочувствованно и обреченно произнесла Энди.

Она просунула голову в дыру в мусорном мешке и вышла на улицу. Дождь сразу потек по спине. В течение нескольких секунд одежда промокла насквозь, так что самодельное пончо облепило Энди, как пищевая пленка.

Она продолжила шагать вперед.

Каким-то образом гроза усилила дневную жару. Она почувствовала, как горячие иглы дождя впиваются ей в лицо, когда вышла на дорогу. Фонари в этой части города отсутствовали. Люди покупали дома в Белль-Айл, чтобы погрузиться в старомодную аутентичную атмосферу прибрежного южного городка. Ну, насколько она могла быть старомодной с учетом того, что цена самого дешевого особняка у пляжа перевалила за два миллиона долларов.

Почти тридцать лет назад Лора заплатила сто восемнадцать тысяч долларов за свой пляжный домик. Ближайшим магазином был старый супермаркет за пределами Саванны. На заправке прямо за стойкой продавали мотыля и засоленные свиные ноги в огромных банках. Сейчас дом Лоры был

одним из всего шести оставшихся оригинальных бунгало в Белль-Айл. Он стоил буквально в двадцать раз меньше, чем земля под ним.

С неба на нее с громом обрушилась молния. Руки Энди машинально взметнулись вверх, как будто она могла защититься от нее. Дождь усилился. Видимость была метра полтора. Она остановилась посреди дороги. Еще одна вспышка молнии перебила шум дождя. Она не могла решить, вернуться ли ей обратно и подождать, пока гроза утихнет, или двигаться дальше в сторону отца.

Стоять посреди улицы, как идиотка, было явно самым худшим из вариантов.

Энди перепрыгнула через бордюр и оказалась на обочине. Ее кеды упоительно шлепнули по луже. Потом она шлепнула ими еще раз. Она начала выше поднимать ноги и немного ускорила темп. Вскоре Энди перешла на легкую трусцу. Затем побежала быстрее. И еще быстрее.

Бег – единственное, что, по мнению Энди, удавалось ей хорошо. Это тяжело – постоянно переставлять ноги. Потеешь. Сердце колотится. Кровь шумит в ушах. Многие люди так не могут. А многие не хотят, особенно летом, когда после прогноза погоды их предупреждают не выходить на улицу в жару, потому что они буквально могут умереть.

Энди различала ритмичное шлепанье своих кедров сквозь оглушительный шум дождя. Она свернула с дороги, ведущей к дому Гордона, потому что не готова была останавливать-

ся. Променад был метрах в тридцати. Пляж – прямо за ним. Глаза начало щипать от соленого воздуха. Она не слышала волн, но каким-то образом вобрала их скорость, неукротимое желание продолжать бег, как бы настойчиво сила тяжести ни давила на спину.

Она свернула налево, на променад, и некоторое время наблюдала за неприглядным противоборством своего мусорного мешка с ветром, пока наконец не сорвала с себя полиэтилен и не выкинула его в ближайшую урну. Ее ноги застучали по деревянным настилам. Из-за теплого дождя у нее открылись поры. Она была без носков. Пятку тут же начало натирать. Задравшиеся шорты собрались в складки, майка облепила тело. Волосы стали похожи на смолу. Она сделала огромный глоток влажного горячего воздуха и закашлялась.

Фонтан крови, бьющий изо рта Бетси Барнард.

Шелли, уже мертвая, лежащая на полу.

Лора с ножом в руке.

Хруст.

Лицо матери.

Ее лицо.

Энди замотала головой. От нее в разные стороны полетели брызги, как от собаки, только что выскочившей из моря. Ее ногти впивались в ладони. Она разжала кулаки и расслабила кисти. Убрала волосы с глаз. Представила, как все ее мысли отступают, словно волны. Втянула воздух в легкие. И побежала быстрее: ноги двигались как поршни, мышцы и

сухожилия работали в унисон, удерживая ее в вертикальном положении во время того, что с точки зрения физики было не чем иным, как контролируемой серией падений.

В ее голове что-то переключилось. Она никогда не испытывала той эйфории, которая бывает у бегунов, даже когда придерживалась чего-то вроде графика. Сейчас она просто достигла такого состояния, когда напряжение было не настолько невыносимым, чтобы останавливаться, но достаточным, чтобы полностью занять собой ее сознание и оставить мысли болтаться где-то на поверхности, не давая им опуститься во тьму.

Левая нога. Правая нога.

Вдох. Выдох.

Левая. Правая.

Вдох.

Напряжение в плечах понемногу спало. Челюсти разомкнулись. Головная боль, медвежьей пастью сдавливавшая ей голову, теперь только слегка отдавалась в висках. Это было терпимо. Мысли Энди начали блуждать. Она слушала дождь, смотрела на капли, падавшие у нее перед глазами. Каково это будет – вновь открыть свой ящик для рисования? Взять в руки карандаш и альбом? Нарисовать что-нибудь – например расплескавшуюся под ее убитыми кедами лужу? Энди стала мысленно рисовать перед собой линии, представила игру света и тени, момент погружения ее ноги в воду, изгибы пойманных в полете шнурков.

Лора чуть не умерла во время лечения. Дело было не только в убийственной смеси медикаментов, но и в сопутствующих проблемах. Инфекции. Поражение почек. Пневмония. Повторная пневмония. Стафилококк. Коллапс легкого.

А теперь к этому списку можно добавить Джону Хелсингера. Детектива Палаццо. Желание вытеснить из своей жизни Гордона. Желание освободить пространство от собственной дочери.

Им нужно было пережить этот момент холодности, как они пережили рак.

Гордон был прав: время все расставляет по местам. Энди знала, что такое ожидание: когда выйдет хирург, когда проанализируют снимки, когда получают результаты биопсии, когда начнется химиотерапия, когда пропишут антибиотики и болеутоляющие, когда поставят укол от тошноты, постелят чистые простыни и принесут свежие подушки. И когда, наконец, осторожно улыбнется врач, сообщая Лоре и Энди, что на снимках чисто.

Все, что Энди нужно сейчас сделать, – это подождать, когда мать придет в себя. Лора пробьется через мрак, в который погрузилась, и со временем – рано или поздно, через месяц, или через полгода, или к следующему дню рождения Энди – она увидит произошедшее скорее как через телескоп, чем как через увеличительное стекло.

Променад закончился раньше, чем Энди ожидала. Она перепрыгнула обратно на дорогу с односторонним движением,

которая тянулась вдоль особняков на береговой линии. Под ногами вновь оказался твердый асфальт. Шум моря начал теряться за огромными домами. Дальше дорога делала поворот на мысу. До бунгало матери отсюда было не больше полумили. Энди не собиралась возвращаться домой. Она уже разворачивалась, когда вдруг вспомнила...

Велосипед.

Энди видела свой велосипед, подвешенный под потолком, каждый раз, когда заходила в гараж. На колесах она доберется до Гордона вдвое быстрее. Принимая во внимание гром и молнии, иметь пару резиновых шин между собой и асфальтом не помешало бы.

Она замедлилась до трусцы, а потом до быстрого шага. Дождь уже не хлестал с такой силой. Здоровенные капли ударялись о ее макушку и будто оставляли вмятины. Энди замедлила шаг, когда увидела тусклый свет в окне кабинета Лоры. Дом был по меньшей мере в сорока метрах, но в это время года все особняки-гиганты в окрестностях пустовали. Белль-Айл был по преимуществу местом обитания перелетных птичек, прибежищем для северян, которые пережидали здесь суровые зимние месяцы. Да и других местных жителей августовский зной гнал из города.

Энди заглянула в окно кабинета Лоры, когда шла по подъездной дорожке. Насколько она могла видеть, он был пуст. Она воспользовалась боковым входом в гараж. Стекла в двери задрожали, когда она ее закрыла. В пустом помещении

шум дождя казался гораздо громче. Энди потянулась к пульту от гаража, чтобы включить свет, но остановилась в последний момент, вспомнив, что он зажигается только при поднятых воротах, а они скрипят так, что и мертвого разбудят. К счастью, свет из офиса Лоры проникал через стекло в боковой двери. Его как раз хватало, чтобы Энди, прищурившись, могла видеть.

Она пошла в глубь гаража, оставляя за собой безобразный след из грязных лужиц. Велосипед висел вверх ногами на двух крюках, которые Гордон ввинтил в потолок. Ее плечи скрутило от боли, когда она попыталась приподнять велосипед, чтобы снять колеса с крюков. Один раз. Второй. Потом велосипед начал падать, и она чуть не повалилась на спину, пытаясь удержать его, прежде чем он все-таки рухнул.

Вот почему она с самого начала была против того, чтобы подвешивать чертов велик под потолок. Только она никогда, никогда в жизни не сказала бы это отцу.

Одна из педалей чиркнула ей по голени. Энди уже не волновалась насчет пары капелек крови. Она проверила протектор, ожидая увидеть плесень, но шины были настолько новыми, что кое-где из них еще торчали резиновые усики. Энди сразу узнала руку своего отца. Летом Гордон несколько раз предлагал возобновить их велосипедные прогулки по выходным. Это было так в его духе – все подготовить на тот невероятный случай, если Энди скажет «да».

Она уже начала поднимать ногу, но застыла. Сверху раз-

дался отчетливый дребезг. Энди наклонила голову набок, как ретривер. Все, что она теперь могла расслышать, был белый шум дождя. Она попыталась подбодрить себя шуткой про Джейкоба Марли¹², когда звук раздался снова. Она изо всех сил напрягла слух, но не услышала ничего, кроме непрекращающегося шелеста падающей с неба воды.

Отлично. Теперь она официально трусиха. Мало того что она в буквальном смысле туго соображала, так теперь еще и поддалась паранойе.

Энди покачала головой. Надо было двигаться. Она села на велосипед и обхватила пальцами руль.

Сердце чуть не выскочило у нее из груди.

Мужчина.

Стоит за дверью. Белый. Глаза недобро поблескивают. Темный капюшон закрывает лицо.

Энди застыла.

Он приложил ладони к стеклу.

Крикнуть. Молчать. Поискать, чем вооружиться. Убрать велосипед к стене. Спрятаться в тени.

¹² Имеется в виду шутка Эбинизера Скруджа, персонажа произведения Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе». Когда он встречается призрака своего давно умершего коллеги, Джейкоба Марли, между ними происходит следующий диалог: «— Почему же ты не хочешь верить своим глазам и ушам?— Потому что любой пустяк воздействует на них, — сказал Скрудж. — Чуть что неладно с пищеварением, и им уже нельзя доверять. Может быть, вы вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины, или лишняя капля горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренная картофелина. Может быть, вы явились не из царства духов, а из духовки, почем я знаю!» (Пер. с англ. Т. Озерской.)

Мужчина еще сильнее прижался к стеклу, заглядывая внутрь гаража. Он посмотрел налево, направо, прямо перед собой.

Энди вздрогнула, вжав голову в плечи, словно так могла стать менее заметной.

Он смотрел прямо на нее.

Она затаила дыхание. Она ждала, дрожа. Он видит ее. Она была уверена, что он видит ее.

Очень медленно он повернул голову и снова внимательно посмотрел сначала налево, потом направо. Последний раз кинул взгляд прямо на Энди и исчез.

Она открыла рот. Сделала крохотный глоток воздуха. Перегнулась через руль, пытаясь справиться с тошнотой.

Мужчина из больницы – тот, в бейсболке с Алабамой. Он что, проследил за ними до дома? И затаился где-то в ожидании, когда можно будет действовать?

Нет. Алабама был высоким и стройным. Парень у двери гаража, в капюшоне, был приземистым и мускулистым, ростом где-то с Энди, но раза в три шире.

Дребезг издавала металлическая лестница, когда Капюшон по ней спускался.

Он проверил комнату и убедился, что в ней никого нет.

Он проверил гараж и убедился, что в нем пусто.

А теперь, вероятно, он собирался вломиться в дом.

Энди начала отчаянно шарить по карманам, хотя прекрасно понимала, что телефон наверху, где она его и оставила,

причем полностью разряженный. Лора избавилась от домашнего телефона в прошлом году. В особняках по соседству скорее всего тоже не было телефонов. До Гордона минимум десять минут езды на велосипеде, а к тому времени Лора уже может быть...

Сердце Энди ухнуло в груди и чуть не остановилось.

Ее мочевой пузырь лопался. В животе кололо так, будто там рассыпали коробку канцелярских кнопок. Она осторожно спустилась с велосипеда. Прислонила его к стене. Дождь теперь звучал как непрерывная мелкая барабанная дробь. Сквозь этот монотонный шум она слышала только стук своих зубов.

Она заставила себя подойти к двери. Вытянула руку, обхватила дверную ручку пальцами. Они ощутили холод. Может, с той стороны, прижавшись спиной к стене, ее ждал Капюшон, подняв биту, пистолет или просто свои огромные ручки, которыми он вполне мог бы ее придушить?

Энди почувствовала привкус рвоты во рту. Ее мокрая кожа словно обледелела. Она попробовала убедить себя, что мужчина просто срезал дорогу на пляж, но здесь никто не срезал дорогу на пляж. Тем более в дождь. Точнее, в грозу с молниями.

Энди открыла дверь. Она присела на корточки и выглянула на подъездную дорожку. Свет в кабинете Лоры по-прежнему горел. Энди ничего не увидела: ни теней, ни зажегшихся фонарей, ни мужчины в капюшоне, стоящего с ножом в

руке рядом с гаражом или заглядывающего в дом через окна.

Лора могла о себе позаботиться. Она *уже* о себе позаботилась. Но тогда у нее были обе руки. А теперь одна рука была зафиксирована у нее на талии, и она не могла пройти по кухне, не держась за столешницу.

Энди тихонько закрыла дверь в гараж. Она прислонила ладони к стеклу точно так же, как Капюшон. Вгляделась в темную пустоту. И точно так же, как он, ничего не увидела: ни велосипеда, ни полок с запасами еды и воды.

Но особого облегчения это не принесло, потому что Капюшон пошел не на подъездную дорожку. Он повернул в сторону дома.

Энди потеряла пальцами лоб. Даже под таким дождем она вспотела. Может, этот мужик не пошел в бунгало? Какой интерес для грабителя может представлять самый маленький дом на этой улице и один из самых маленьких во всем городе? Окружающие его особняки были забиты дорогой электроникой. Каждый вечер пятницы диспетчеры принимали по крайней мере один звонок от кого-то из владельцев, кто приехал из Атланты приятно провести здесь выходные, но вместо этого обнаружил пропажу телевизора.

Капюшон поднялся навверх, в комнату. Он осмотрел гараж.

Он ничего не взял. Он что-то искал.

Кого-то.

Энди прошла вдоль стены дома. Детектор движения не ра-

ботал. Фонари уже должны были зажечься. Она почувствовала, как под ее кедами хрустит стекло. Разбитые лампочки? Сломанный детектор? Она встала на цыпочки и заглянула через окно на кухню. Расположенная с правой стороны дверь, ведущая в кабинет, была приоткрыта, но совсем чуть-чуть. Из узкой щели на кухонный пол ложился треугольник белого света.

Энди немного постояла, ожидая увидеть движение, тень. Ничего не произошло. Она отступила назад. Слева от нее начинались ступеньки, ведущие на веранду. Она могла зайти на кухню. Включить свет. Могла застать Капюшона врасплох, так что он обернулся бы и застрелил ее или пырнул ножом, как это пытался сделать Джона Хелсингер.

Эти две вещи должны быть взаимосвязаны. Только это привнесло бы в происходящее хоть какой-то смысл. Это Белль-Айл, а не Атлантик-Сити. Тут мужики в капюшонах не следят за пляжными домиками под проливным дождем, чтобы потом их ограбить.

Энди обошла дом. Она задрожала от зябкого бриза со стороны океана. Тихонько открыла дверь на крытую веранду. Скрип дверных петель утонул в шуме дождя. Она взяла ключ из блюдца под горшком с фиалками.

В спальню ее матери вели две стеклянные двери. Энди снова приложила ладони к стеклу. В отличие от гаража, в спальне был виден каждый уголок. В ванной включена ночная подсветка. Кровать застелена. На прикроватной тумбоч-

ке книга. Комната пуста.

Энди прижала к стеклу ухо. Она закрыла глаза и попыталась сфокусировать все свои чувства, чтобы уловить хоть какие-то звуки, идущие изнутри: скрип пола под ногами, голос матери, зовущий на помощь, звон стекла, звуки борьбы.

Она слышала только, как поскрипывают на ветру кресла-качалки.

В прошлые выходные Энди пришла встретить рассвет на веранде вместе с матерью.

– Андреа Элоиз. – Лора улыбнулась поверх чашки чая. – Ты знала, что, когда ты родилась, я хотела назвать тебя «Элоиза», но медсестра неправильно меня поняла и записала «Элоиз», а твоему папе настолько понравилось, как это звучит, что мне не хватило духу сказать ему, что имя пишется не так?

Да, Энди это знала. Она слышала эту историю прежде. Каждый год, в преддверии ее дня рождения или в день ее рождения, мама находила повод рассказать ей о пропавшей букве «А».

Энди прислушивалась, прижавшись к стеклу, но потом все-таки заставила себя двигаться дальше. Ее пальцы так онемели, что она едва смогла вставить ключ в замок. Ее глаза наполнились слезами. Она была очень напугана. Ей никогда в жизни не было так страшно. Даже в дайнере, потому что там, во время стрельбы, у нее не было времени на раздумья. Энди реагировала, а не анализировала. Сейчас у нее была масса

времени, чтобы решить, как действовать, но все сценарии, возникавшие в ее голове, оказывались один ужаснее другого.

Может, Капюшон ранил Лору – еще раз. Может, он внутри и поджидает Энди. Может, он убивает ее мать прямо сейчас. Может, он изнасилуется Энди. Может, убьет ее на глазах матери. Может, будет насиловать одну, заставляя другую смотреть, и наоборот, или, может, убьет их, а после изнасилуется, или...

У Энди подкашивались колени, когда она заходила в ванную. Она закрыла дверь, поморщившись от щелчка. На ковер натекла лужица дождевой воды. Она выскользнула из своих кедров. Убрала назад влажные волосы.

Прислушалась.

Из другой части дома доносилось какое-то бормотание.

Будто бы простой разговор. Ни угроз, ни криков, ни мольбы о помощи. Больше похоже на то, что Энди слышала в детстве после ухода в постель.

«В следующие выходные по “Фокс” будут показывать концерт Дайаны Кролл. – Ой, Гордон, ты же знаешь, что джаз меня нервирует».

Энди почувствовала, что ее веки дрожат, как перед обмороком. Перед глазами все тряслось и прыгало. Звук сердцебиения эхом отдавался у нее в голове, словно сотня баскетбольных мячей, скачущих по спортзалу. Ей пришлось надавить на свое бедро сзади, чтобы заставить себя идти.

По большому счету дом представлял собой квадрат, внут-

при которого подковой изгибался коридор. Кабинет Лоры находился рядом с гостиной – за кухней. Энди пошла в противоположный конец коридора. Она прошла мимо своей спальни, которая теперь была гостевой, не глядя на семейные фото и школьные рисунки, висящие на стенах.

– ...сделаю все, – раздался голос Лоры. Она говорила твердо и четко.

Энди остановилась в гостиной. Только небольшое фойе отделяло ее от кабинета Лоры. Раздвижные двери были полностью открыты. Обстановка этой комнаты была так же хорошо знакома Энди, как и ее жилище над гаражом. Диван, кресло, стеклянный кофейный столик с чашей ароматической смеси, стол, стул, книжный стеллаж, полки с документами, репродукция «Рождения Венеры» рядом с двумя вставленными в рамку страницами из медицинского пособия «Психология и анатомия патологий речи и языка».

На столе фотография Энди в рамке. Ярко-зеленый кожаный журнал для записей. Ручка. Ноутбук.

– Ну? – произнесла Лора.

Она сидела на диване. Энди видела часть ее подбородка, кончик носа, сдвинутые ноги, одну руку, лежащую на бедре, и вторую, закрепленную на талии. Лицо Лоры было слегка приподнято, она обращалась к человеку в кожаном кресле.

Капюшон.

Его джинсы промокли насквозь. На ковре у его ног образовалась лужа воды.

– Давай посмотрим, какие у нас варианты. – У него был глубокий голос. Энди почувствовала, как от его слов все у нее в груди задрожало. – Я могу поговорить с Паулой Кунц.

Лора помолчала, а потом сказала:

– Я слышала, она в Сиэтле.

– В Остине. – Он сделал паузу. – Но попытка засчитана.

Повисло долгое, тягостное молчание.

Потом Лора заговорила опять:

– Покалечив меня, ты не получишь то, что тебе нужно.

– Я не собираюсь калечить тебя. Я просто хочу, чтобы ты испугалась до усрачки.

Энди почувствовала, что у нее снова дрожат веки. Дело было в его интонации – уверенной, почти веселой.

– Вот как? – Лора выдавила из себя неестественный смешок. – Ты считаешь, меня можно испугать?

– Зависит от того, насколько сильно ты любишь свою дочь.

Внезапно Энди оказалась посреди своей старой комнаты. Ее зубы стучали. Из глаз лились слезы. Она не помнила, как попала сюда. Воздух громко вырывался из ее легких. Сердце перестало биться, а может, билось так часто, что она этого уже не чувствовала.

Телефон ее матери должен лежать на кухне. Она всегда оставляла его там на ночь заряжаться.

Уходи из дома. Беги за помощью. Не подвергай себя опасности.

У Энди тряслись ноги, когда она шла по коридору к зад-

ней части дома. Она машинально протянула руку, схватила ручку двери в спальню своей матери, но заставила себя продолжить движение в сторону кухни.

Телефон лежал на краю столешницы, с той стороны, которая была ближе к кабинету, в той части кухни, куда падал треугольник света из приоткрытой двери.

Они замолчали. Почему они замолчали?

«Зависит от того, насколько сильно ты любишь свою дочь».

Энди резко развернулась, ожидая увидеть Капюшона, но не увидела ничего, кроме открытого прохода в спальню матери.

Она могла убежать. Она могла оправдать свой уход тем, что ее мать хотела бы, чтобы она ушла, чтобы она была в безопасности, подальше отсюда. Это все, чего Лора хотела от нее тогда, в дайнере. Это все, чего она захотела бы от нее сейчас.

Энди снова развернулась и оглядела кухню. Она была и внутри своего тела, и в то же время как бы вне его. Она видела себя, идущую за телефоном на дальнем конце столешницы. Холод от плитки обволакивал ее босые ступни. Рядом с боковым входом была вода, вероятно, накапавшая с Капюшона. Взгляд Энди сосредоточился только на мобильном телефоне матери. Она сжала зубы, чтобы они не стучали. Если Капюшон все еще сидит в кресле, от Энди его отделяет метр пространства и тонкая деревянная дверь. Она потянулась к

телефону. Осторожно отсоединила зарядку. Медленно вернулась обратно в тень.

– Скажи-ка, – произнес Капюшон, и его голос донесся до кухни, – у тебя когда-либо были такие сны, что тебя хоронят заживо? – Он сделал паузу. – Как будто ты задыхаешься?

У Энди во рту пересохло. Пневмония. Коллапс легкого. Жуткий хрипящий звук. Паника, когда не получается вдохнуть. Мать до ужаса боялась задохнуться. Ее страх захлебнуться жидкостью из собственных легких был настолько навязчивым, что докторам приходилось давать ей валиум, чтобы она могла заснуть.

Капюшон продолжил:

– Вот что я собираюсь сделать: я надену этот пакет тебе на голову на двадцать секунд. Ты почувствуешь себя так, будто умираешь, но не умрешь. – Он добавил: – Пока.

Пальцы Энди дрожали, когда она нажимала на кнопку главного экрана на телефоне матери. В нем были сохранены отпечатки их обеих. Нажатие должно было разблокировать телефон, но ничего не произошло.

– Это как имитация утопления, только без воды, – сказал Капюшон. – Очень эффективно.

– Пожалуйста... – Лора поперхнулась этим словом. – Не надо этого делать.

Энди вытерла пальцы об стену, чтобы они стали менее влажными.

– Стой! – Лора закричала так громко, что Энди чуть не

уронила телефон. – Просто послушай. Одну минуту. Просто послушай меня.

Энди снова нажала на главный экран.

– Я слушаю.

Телефон разблокировался.

– Не нужно этого делать. Мы можем договориться. У меня есть деньги.

– Мне от тебя не деньги нужны.

– Ты никогда из меня ничего не вытянешь. О том, что ты ищешь. Я никогда...

– Посмотрим.

Энди нажала на текстовые сообщения. Диспетчерская служба Белль-Айл внедрила систему «Напиши в 911» полгода назад. Оповещения появлялись в верхней части экрана каждого сотрудника.

– Двадцать секунд, – сказал мужчина. – Мне посчитать за тебя?

Пальцы Энди отчаянно забегали по клавиатуре.

«Сиборн-авеню 419 вооруженный мужчина непосредственная угроза пжлст быстрее».

– На улице никого. Можешь кричать так громко, как тебе заблагорассудится.

Энди нажала на стрелочку для отправки.

– Стой. – В голосе Лоры послышалась паника. – Пожалуйста. – Она начала плакать. Ее всхлипывания звучали приглушенно, будто она держала что-то у рта. – Пожалуйста, – умо-

ляла она. — О господи, пожа...

Звуки прекратились.

Энди из всех сил прислушалась.

Ничего.

Ни плача, ни вздоха, ни даже мольбы.

Тишина была оглушающей.

— Один, — начал считать Капюшон. — Два. — Он сделал паузу. — Три.

Дзинь. Тяжелая стеклянная столешница кофейного столика. Мать, очевидно, пиналась. Что-то глухо упало на ковер. У Лоры была только одна свободная рука. Она с трудом могла поднять пакет из магазина.

— Четыре, — произнес Капюшон. — Постарайся не обмочиться.

Энди широко открыла рот, будто бы могла дышать за свою мать.

— Пять. — Он явно наслаждался процессом. — Шесть. Почти полпути.

Энди услышала отчаянное резкое сипение, точно такое же, какое вырывалось из горла матери в больнице, когда на фоне пневмонии и произошел коллапс легкого.

Она схватила первый тяжелый предмет, который ей подвернулся. Чугунная сковорода громко лязгнула, когда она подняла ее с плиты. Теперь заставить Капюшона врасплох не получится, но пути назад нет. Энди пинком открыла дверь. Капюшон стоял, нависая над Лорой. Его руки обхватывали

ее шею. Он не душил ее. Его пальцы фиксировали пластиковый пакет, натянутый на ее голову.

Капюшон пораженно оглянулся.

Энди размахнулась сковородкой, словно битой.

В мультиках сковородка всегда прилетала дном точно на макушку героя, и он начинал дрожать, как колокол после удара.

В реальности сковородка в руках Энди свернулась набок. Ее чугунный край клином вошел в череп мужчины с тошнотворно громким треском.

Это был не звон, а скорее звук ломающейся ветки.

Отдача была настолько сильной, что Энди не удержала ручку.

Сковородка с грохотом упала на пол.

Сначала Капюшон никак не отреагировал. Он не упал. Не заорал и не кинулся на нее. Он просто смотрел на Энди так, словно не понимал, что происходит.

А она смотрела на него.

Белок его левого глаза начала медленно заливать кровь, она двигалась по капиллярам словно дым, закручиваясь вокруг роговицы. Его губы беззвучно шевелились. Уверенным движением он поднял руку, чтобы потрогать голову. Висок был вдавлен под острым углом. Идеально повторяющим форму сковородки. Он посмотрел на свои пальцы.

Крови не было.

Энди схватилась рукой за горло. У нее было такое ощу-

щение, будто она проглотила стекло.

Он в порядке? А будет в порядке? Настолько в порядке, чтобы навредить ей? Чтобы задушить ее мать? Чтобы изнасиловать их? Чтобы убить их обоих? Чтобы...

Из его горла раздался щелкающий звук. Рот открылся. Глаза начали закатываться. Он потянулся к креслу, согнув колени, чтобы сесть, но промахнулся и упал на пол.

Энди отпрыгнула, словно боясь ошпариться.

Он лежал на боку, ноги подвернуты, руки хватаются за живот.

А Энди просто смотрела, ждала и тряслась от страха.

– Андреа, – произнесла Лора.

Сердце Энди дрожало, как пламя свечи. Ее мышцы окаменели. Она застыла на месте, как статуя.

– Андреа! – крикнула Лора.

Энди резко вышла из транса. Она моргнула. Посмотрела на мать.

Лора попыталась опереться на диван. Белки ее глаз и щеки были испещрены полопавшимися сосудами. Губы посинели... Пластиковый пакет так и болтался на шее, вокруг которой были заметны глубокие отметины. Она ногтями разодрала пакет – точно так же, как Энди зубами прогрызла в мусорном мешке дырку для головы.

– Быстрее, – проговорила Лора хриплым голосом, – проверь, дышит ли он.

Энди вдруг увидела все будто через телескоп. У нее закружилась голова. Она услышала собственное свистящее дыхание. Почувствовала, что начинает отключаться.

– Андреа, – сказала Лора, – у него за поясом джинсов мой пистолет. Дай его мне. Пока он не очнулся.

Что?

– Андреа, возьми себя в руки. – Лора сползла с дивана на пол. Из раны на ее ноге снова шла кровь. С помощью здоровой руки она начала двигаться по ковру. – Нам нужно достать пистолет. Пока он не пришел в себя.

Рука Капюшона пошевелилась.

– Мама! – Энди прижалась спиной к стене. – Мама!

– Все нормально, он...

Внезапно Капюшон так сильно дернулся, что опрокинул кожаное кресло. Он начал описывать руками круги, круги превратились в судороги, от которых затряслись сначала его плечи, а затем голова. Потом туловище. Ноги. Через несколько секунд все его тело билось в конвульсиях, как во время сильного припадка.

Энди слышала, как из ее рта раздался вой. Он умирает. Он сейчас умрет.

– Андреа, – сказала Лора спокойным, ровным голосом, – иди на кухню.

– Мама! – закричала Энди.

Его спина выгнулась дугой. Нога пнула воздух. Что она наделала? Что она наделала?!

– Андреа, – повторила Лора, – иди на кухню.

Он начал издавать рычащие и булькающие звуки. Энди закрыла уши, но ничто не могло их заглушить. Она в ужасе смотрела, как выкручиваются его пальцы. Из его рта пошла пена. Глаза дико вращались.

– Иди на...

– Он умирает! – взвыла Энди.

Рычание стало громче. Его глаза полностью закатились, и это выглядело так, будто в его глазницы затолкали комочки хлопка. Руки хватали воздух. Джинсы в районе паха промокли от мочи. С ноги слетел ботинок.

– Сделай что-нибудь! – заорала Энди. – Мама!

Лора схватила сковороду и замахнулась ею.

– Нет!

Энди кинулась к ней через всю комнату. Она отшвырнула сковородку подальше. Рука Лоры обхватила Энди за талию, прежде чем она успела увернуться. Она притянула дочь к себе, прижала губы к ее голове.

– Не смотри, детка. Не смотри.

– Что я наделала? – отчаянно кричала Энди. – Что я наделала?

– Ты спасла меня, – сказала Лора. – Ты спасла меня.

– Я... – Энди не могла произнести ни слова. – Мам... он... я не могу...

– Не смотри, – Лора попыталась закрыть Энди глаза, но та отпихнула ее руку.

Повисла абсолютная тишина.

Даже дождь перестал стучать в окна.

Капюшон затих. Мышцы его лица расслабились. Один глаз смотрел в потолок, другой – в сторону окна. Зрачки превратились в неподвижные черные монетки.

Энди почувствовала, будто ее сердце застряло в горле.

Низ его кофты задрался. Над белой резинкой трусов Энди увидела татуировку – улыбающегося дельфина. Он выпрыгивал из воды. Снизу шрифтом с завитками было написано «Мария».

– Он... – Энди не могла произнести это слово. – Мама, он...

Лора всегда говорила без экивоков.

– Он мертв.

– Я у-у-у... – Энди снова не удавалось выдать из себя слово. – У-убила... у-убила...

– Энди? – интонация Лоры изменилась. – Ты слышишь сирены? – она обернулась и посмотрела в окно. – Ты вызвала полицию?

Энди могла смотреть только на татуировку. Мария – его подруга? Жена? Дочь? Она что, убила чьего-то отца?

– Энди? – Лора снова резко опустилась на ковер. Пошарила рукой под диваном. Она что-то искала. – Милая, скорей. Достань у него бумажник из штанов.

Энди уставилась на свою мать.

– Достань его бумажник. Быстро.

Энди не двинулась с места.

– Тогда ищи под диваном. Иди сюда. Быстро. – Лора щелкнула пальцами. – Энди, иди сюда. Делай, что я тебе говорю.

Энди подползла к дивану, не совсем понимая, что она должна делать.

– Задний угол, – сказала Лора. – Внутри обивки над пружиной. Нужно дотянуться. Там лежит большая косметичка.

Энди оперлась на локоть, чтобы добраться до внутренностей дивана. Нашла черную виниловую косметичку с металлической молнией. Она была чем-то набита и оказалась довольно тяжелой.

Как она туда попала?

– Послушай меня. – У Лоры в руках был бумажник. Она достала оттуда наличные. – Возьми это. Все возьми. Есть город в Западной Джорджии, называется Карроллтон. На границе штата. Ты меня слушаешь?

Энди открыла косметичку. Там был телефон-раскладушка с зарядкой, толстая пачка двадцатидолларовых банкнот и белая пластиковая карточка без надписей – такими обычно открывают номера в отелях.

– Энди. – Лора потянулась к фотографии в рамке на своем столе. – Тебе нужно попасть на склад «Гет-эм-го». Сможешь запомнить? «Г-Е-Т-Э-М-Г-О».

Что?

– Возьми его бумажник. Выброси его в залив.

Энди посмотрела на кожаный бумажник, который мать бросила на пол. В пластиковом окошке были видны водительские права. Ее глаза настолько опухли от слез, что она не различала слов.

– Не используй кредитные карты, ладно? – сказала Лора. – Только наличные. Закрой глаза. – Она разбила рамку об угол стола. Стекло разлетелось в разные стороны. Она вынула фотографию. Внутри рамки был маленький ключ, как от навесного замка. – Тебе понадобится вот это, понятно? Энди, ты слушаешь? Возьми его. Бери.

Энди взяла ключ. Уронила его в открытую косметичку.

– Это не забудь. – Лора запихнула бумажник в косметичку рядом с деньгами. – Секция один-двадцать. Вот что тебе нужно запомнить: один-двадцать. «Гет-эм-го» в Карроллтоне. – Она обыскала карманы мужчины, нашла ключи. – Они от «Форда». Скорее всего он припарковался в тупике на Бичвью-драйв. Возьми.

Энди взяла ключи, хотя ее мозг уже не воспринимал, что именно она держит в руках.

– Секция один-двадцать. Там будет машина. Возьми ее, «Форд» оставь. Отсоедини кабели от аккумулятора. Это очень важно, Энди. Тебе нужно отключить питание GPS. Ты сможешь это запомнить, детка? Отсоедини кабели от аккумулятора. Папа показывал тебе аккумулятор. Помнишь?

Энди медленно кивнула. Она помнила, как Гордон показывал ей детали машины.

– Номер секции – это день твоего рождения. Один-двадцать. Повтори.

– Один-двадцать.

– Сирены приближаются. Тебе пора идти, – сказала Лора. – Мне нужно, чтобы ты ушла. Прямо сейчас.

Энди потеряла всякую способность соображать. Это было чересчур. Совсем чересчур.

– Дорогая, – Лора нежно взяла Энди за подбородок, – послушай меня. Мне нужно, чтобы ты сейчас убежала. Прямо сейчас. Через заднюю дверь. Найди его «Форд». Если не найдешь, возьми папину машину. Я потом ему все объясню. Мне нужно, чтобы ты поехала на северо-запад. Хорошо? – Она схватила Энди за плечо, с трудом поднимаясь на ноги. – Энди, пожалуйста. Ты меня слышишь?

– Северо-запад, – прошептала Энди.

– Попытайся сначала добраться до Мейкона, потом купи карту – настоящую бумажную карту – и найди Карроллтон. «Гет-эм-го» рядом с «Уолмартом»¹³. – Она потянула Энди за руку, чтобы та тоже поднималась. – Свой телефон оставь здесь. Не бери с собой ничего. – Она снова встряхнула Энди. – Послушай меня. Папе не звони. Не заставляй его врать ради тебя.

– Врать ради...

– Меня арестуют. – Она приложила палец к губам Энди,

¹³ «Уолмарт» (англ. Walmart) – крупнейшая сеть универсальных гипермаркетов в США. (Прим. пер.)

прежде чем та успела запротестовать. – Ничего страшного, дорогая. Со мной все будет в порядке. Но тебе нужно уехать. Ты не должна сообщать папе, где находишься. Ты поняла? Если ты свяжешься с ним, они узнают. Они отследят звонок и найдут тебя. Звонок, имейл, что угодно. Не пытайся с ним связаться. Не звони мне. Не звони никому из своих друзей, никому, с кем ты когда-либо общалась, ладно? Ты меня понимаешь? Ты слышишь, что я говорю?

Энди кивнула, потому что именно этого хотела от нее мать.

– После Карроллтона поезжай дальше на северо-запад. – Лора довела ее до кухни, крепко обнимая рукой за талию. – Чем дальше, тем лучше, куда-нибудь в Айдахо. Когда тут будет достаточно безопасно, я позвоню тебе на телефон, который лежит в косметичке.

Безопасно?

– Ты очень сильная, Андреа. Сильнее, чем ты можешь себе представить. – Лора тяжело дышала. Было видно, что она старается не заплакать. – Я позвоню тебе на этот телефон. Не возвращайся домой, пока я с тобой не свяжусь, ладно? Отвечай только на мой голос, на мой настоящий, живой голос, когда я скажу вот эти конкретные слова: «Можно возвращаться домой». Ты поняла? Энди?

Сирены приближались. Теперь и Энди их слышала. По крайней мере три машины. В доме мертвый человек. Энди убила его. Она убила человека, и копы будут здесь с минуты

на минуту.

– Андреа?

– Ладно, – выдохнула Энди. – Ладно.

– «Гет-эм-го». Один-двадцать. Да?

Энди кивнула.

– Через заднюю дверь. Беги. – Лора попыталась подтолкнуть ее к двери.

– Мам. – Энди не могла уйти, не спросив. – Ты... ты шпионка?

– Что-что? – Лора пораженно на нее уставилась.

– Или наемная убийца, или агент правительства, или...

– О, Энди, нет, – сказала Лора таким тоном, будто сейчас рассмеется. – Я твоя мать. И всегда была только твоей матерью. – Она коснулась ладонью щеки Энди. – Я так горжусь тобой, мой ангел. Тридцать один год твоей жизни для меня как тридцать один подарок. Ты – та причина, по которой я еще жива. Я бы не смогла проделать этот путь без тебя. Понимаешь? Ты мое сердце. Ты каждая капля крови в моем теле.

Сирены были уже совсем близко, может, в паре улиц.

– Мне так жаль. – Лора уже не могла сдерживать слезы. Вчера она убила человека. Она покалечилась, в нее всадили нож и чуть не задушили. Она оттолкнула свою семью и не пролила ни единой слезинки до этого момента. – Мой ангел. Пожалуйста, прости меня. Все, что я делала, я делала ради тебя, моя Андреа Элоиза. Все.

Сирены зазвучали перед домом. Шины с визгом затормозили на асфальте.

– Беги, – в отчаянии попросила Лора. – Энди, пожалуйста, дорогая, беги.

Мокрый песок забился в кеды Энди, пока она бежала вдоль берега. Она прижала косметичку к груди, придерживая молнию пальцами, потому что не решилась тратить время, чтобы ее застегнуть. Луны не было, как и света из особняков-гигантов. Вокруг не было ничего, кроме липнущего к лицу тумана и воя сирен за спиной.

Она оглянулась через плечо. Лучи фонарей метались по участку вокруг дома ее матери. Крики разносились по всему пляжу.

– Слева чисто!

– Справа чисто!

Иногда, когда Энди оставалась висеть на звонке в 911, она слышала, как на заднем плане копы говорили эти слова.

«Теперь можно повесить трубку, – говорила она позволившему в таких случаях. – Полиция о вас позаботится».

Лора ничего не скажет копам. Скорее всего она будет сидеть на кухне с плотно закрытым ртом, когда они ее найдут. Палаццо не пойдет ни на какие сделки после сегодняшнего. Лору арестуют. Ее отправят под стражу. Она предстанет перед судьей и присяжными. Она сядет в тюрьму.

Энди ускорила, будто могла убежать от мыслей о матери за решеткой. Она прикусила губу так сильно, что почувствовала металлический привкус крови во рту. Мокрый пе-

сок в ее кедах затвердел, как бетон. Боль была словно некое кармическое воздаяние.

Капюшон был мертв. Она лишила его жизни. Она убила его. Энди была убийцей.

Она так отчаянно замотала головой, что у нее хрустнула шея. Она попыталась взять себя в руки. До конца Сиборн-авеню оставалась где-то треть мили, дальше она упиралась в Бичвью-драйв. Если она пропустит нужный поворот, то окажется в более оживленной части города, где кто-нибудь может увидеть ее в окно и вызвать полицию.

Пытаясь считать шаги, Энди прошла сначала двести метров, потом триста и наконец свернула налево, в сторону от океана. У каждого особняка-гиганта были свои ворота, чтобы к ним на территорию с пляжа не заходили люди. Градостроительный кодекс Белль-Айл запрещал установку любых постоянных ограждений перед песчаными дюнами, так что местные жители довольствовались хлипкими деревянными планками, подвешенными к колючей проволоке, чтобы отпугивать посторонних. Только несколько ворот были оснащены сигнализацией, но на них висели предупреждения, что в случае открытия включится сирена.

Энди остановилась перед первыми воротами, до которых дошла. Она обшарила их по бокам. Ее пальцы нащупали пластиковую коробочку с торчащими из нее проводами.

Сигнализация.

Она подбежала к следующим воротам и проделала то же

самое.

Сигнализация.

Энди выругалась, понимая, что кратчайший путь до улицы лежит через дюны. Она опасливо толкнула ногой деревянные планки. Проволока прогнулась. Из песка вынырнул какой-то невидимый якорь, так что забор опустился достаточно низко, чтобы через него можно было перешагнуть. Энди осторожно подняла ногу, стараясь не разодрать шорты о колючую проволоку. Сминая стебли униолы, она двинулась по крутому склону. Она зажмурилась, представляя, какие разрушения оставляет после себя. Пока она пробиралась к вымощенной камнем дорожке, она начала хромать.

Энди оперлась рукой о стену, остановилась, чтобы отдышаться. У нее в горле так пересохло, что начался приступ кашля. Она прикрыла рот рукой, пережидая его. Глаза слезились. Легкие горели. Когда кашель наконец прошел, она безвольно опустила руку. Сделала шаг – будто по битому стеклу. Песок у нее в кедах по консистенции стал похож на комкующийся наполнитель для кошачьего туалета. Энди сняла их, попробовала вытряхнуть. Синтетическая сетчатая материя превратилась в настоящую терку. И все же она решила попытаться втиснуть ноги обратно. Боль оказалась слишком сильной. У нее уже шла кровь.

Энди пошла по дорожке босиком. Она думала обо всех тех уликах, которые найдет детектив Палаццоло, когда окажется в домике. Лицо Лоры, особенно ее налитые кровью

глаза, свидетельствующие о недавнем удушении. Полиэтиленовый пакет у нее на шее с отпечатками пальцев убитого. Труп, лежащий в кабинете рядом с перевернутым кофейным столиком. Его проломленный висок. Мокрые от мочи штаны. Пена, высыхающая на губах. Глаза, смотрящие в разные стороны. Кровавый след, тянущийся по ковру вслед за Лорой. Отпечатки пальцев Энди на рукоятке сковородки.

То же самое на подъездной дорожке. Разбитое стекло от фонарей. Замок в кухонной двери, который, вероятно, был взломан. Лужицы на кухонной плитке, по которым можно проследить путь Капюшона. И еще вода, по которой можно проследить путь Энди из спальни через коридор и ее гостевую спальню в гостиную и обратно.

И на пляже. Следы Энди, отпечатавшиеся на мокром песке. Ее разрушительный поход через дюны. Ее кровь, ее ДНК на дорожке, где она сейчас стоит.

Энди крепко сжала зубы и застонала, запрокинув голову к небу. От напряжения у нее заныла шея. Она согнулась и уперла локти в колени, последствия ее катастрофических действий буквально придавливали ее. Все это неправильно. Все это не имеет никакого смысла.

Что она должна делать?

Что она *может* сделать?

Ей нужно поговорить с отцом.

Энди начала шагать в сторону улицы. Она пойдет к Гордону домой. Спросит его, что делать. Он поможет ей посту-

пить правильно.

Энди остановилась.

Она знала, что сделает отец. Гордон позволит Лоре взять вину на себя. Он не даст Энди во всем признаться. Не станет рисковать, допуская даже возможность того, что она сядет в тюрьму до конца жизни.

Но потом Палаццолю найдет мокрые следы Энди в доме Лоры, еще больше следов на песке, ее ДНК на дорожке между особняками и обвинит Гордона в обмане офицера полиции, а впоследствии и в соучастии в убийстве.

Ее отец может попасть в тюрьму. Может потерять лицензию и практику.

Не заставляй его врать ради тебя.

Энди вспомнила слезы в глазах матери, ее упрямую убежденность в том, что все, что она делала, она делала ради Энди. На каком-то элементарном уровне Энди нужно было верить, что мать подсказывает ей правильные вещи. Она пошла дальше по дороге. Лора предположила, что «Форд» Капюшона стоит в тупике на Бичвью-драйв. Еще она велела бежать, так что Энди снова побежала, держа кеды в одной руке и косметичку в другой.

Она огибала угол, когда ей в лицо ударил яркий свет. Энди пригнулась и отступила на узкую каменную дорожку. Сначала она подумала, что это прожектор полицейской машины ослепил ее. Затем рискнула поднять голову и поняла, что на нее среагировал датчик движения, включавший фонари.

Энди побежала по асфальтовой дороге. Она старалась держаться посередине – подальше от датчиков движения, установленных на каждом доме. Назад она не смотрела, но ее периферийное зрение улавливало мерцание вращающихся красно-синих огней. Было такое ощущение, что на ее вызов съехались все полицейские машины Белль-Айл. У Энди, возможно, оставались минуты или даже секунды, прежде чем кто-то из старших офицеров даст приказ рассредоточиться и осмотреть окрестности.

Она дошла до конца улицы с односторонним движением. Бичвью-драйв упиралась в Сиборн-авеню. На противоположном конце был небольшой закуток, где парковались экстренные службы, когда приезжали по вызову с пляжа. Лора предположила, что машина Капюшона стоит там.

Но «Форда» нигде не было видно.

Черт.

По Бичвью-драйв навстречу ей двигалась пара фар. Энди запаниковала, побежала налево, направо, сделала круг и спряталась за пальмой. Мимо проехал черный «Шевроле Сабурбан». У него на бампере была установлена большая гибкая антенна, по которой Энди поняла, что машина принадлежала правоохранительным органам.

Энди оглянулась на Бичвью-драйв. Где-то в середине улицы виднелся въезд на немощеную подъездную дорожку, заросший сорняками и кустарником. Из шести оставшихся на Белль-Айл бунгало одно принадлежало Хейзелтонам – се-

мейной паре из Пенсильвании. Они не приезжали сюда много лет.

Энди могла спрятаться там, подумать, что делать дальше.

Она посмотрела на Сиборн-авеню: не свернула ли туда какая-нибудь машина. Проверила, не видно ли фар на Бич-вью-драйв. Трусцой перебежала дорогу, шлепая босыми ногами по асфальту, и оказалась у длинной песчаной подъездной дорожки, ведущей к дому Хейзелтонов.

Что-то не так.

Разросшиеся спутанные кусты примяты.

Кто-то недавно подъезжал к дому.

Энди отодвинула кусты и пошла не по дорожке, а на задний двор. Ее ноги были в крови, и на них налипло столько песка, что у нее будто выросли вторые ступни. Она продолжала двигаться вперед, пригнувшись, чтобы ее не было видно. В доме Хейзелтонов не горело ни одно окно. Энди поняла, что вроде как даже что-то видит в темноте. Время было более позднее – или более раннее, – чем она думала. Рассвет еще не начался, но Энди припоминала, что существует какое-то научное объяснение – что-то насчет того, что лучи преломляются на поверхности океана, – почему на пляже становится светло до того, как восходит солнце.

Как бы ни работал этот феномен, он позволил Энди разглядеть припаркованный на дорожке пикап «Форд». Шины больше обычных. Широкий черный бампер. Тонированные окна. Флоридские номера.

Рядом был припаркован пикап поменьше – белый «Шеви», на вид лет десять, в остальном совершенно непримечательный. Номера из Южной Каролины – ничего необычного, ведь Чарльстон совсем недалеко, но, насколько Энди знала, Хейзелтоны живут в Пенсильвании.

Она осторожно подошла к «Шеви» и заглянула внутрь. Стекла опущены. Ключ в зажигании. С брелока свисает огромная кроличья лапка на удачу. На зеркале заднего вида болтаются пушистые игральные кости. Энди понятия не имела, принадлежит ли этот пикап Хейзелтонам, но оставить ключи в машине было вполне в духе пожилой пары. А кости и брелок с кроличьей лапкой как раз по части их внука.

Энди задумалась над вариантами.

В «Шеви» нет GPS. Никто не сообщит об угоне. Может, лучше взять его? И оставить пикап Капюшона здесь?

Но Энди позволила Лоре думать за себя. Мать сказала взять машину мертвеца, так что она возьмет машину мертвеца.

Энди с опаской приблизилась к «Форду». Темные окна наглухо закрыты. Двери заперты. Она нашла ключи Капюшона в косметичке. На кольце болтался консервный нож и ключ от «Форда». Ключей от дома не было, но, возможно, они в машине.

Вместо того чтобы открыть дверь нажатием кнопки, Энди воспользовалась ключом. Внутри пахло кожей и одеколоном с мускусной нотой. Она кинула косметичку на пассажирское

сиденье. Ей пришлось схватиться за рамку двери, чтобы подняться в кабину и усесться на место водителя.

Энди потянула дверь, и та захлопнулась с низким глухим звуком.

Вставив ключ в зажигание, она медленно его повернула, будто пикап мог взорваться или как-то самоуничтожиться при любом неверном движении. Двигатель гулко заурчал. Она положила руку на рычаг коробки передач, но остановилась.

Что-то не то.

Приборная панель должна была засветиться, когда она завела двигатель, но этого не произошло. Энди коснулась пальцами консоли. Дисплей был заклеен картоном или чем-то типа того. Она повернула голову. Верхняя лампочка тоже не горела.

Энди представила, как Капюшон убирает в машине весь свет и только потом паркуется у Хейзелтонов.

Затем она вспомнила про свет в кабинете матери. Единственный свет, который Лора оставила во всем доме. Энди исходила из того, что мать забыла его выключить, но, может, Лора и не спала в кресле? Может, она сидела на диване в кабинете и ждала, когда в дом вломится кто-то вроде Капюшона?

«У него за поясом джинсов мой пистолет».

Не просто пистолет, а *мой* пистолет.

Энди почувствовала, как у нее пересохло во рту.

Когда мать успела купить пистолет?

За ее спиной заорала сирена. Энди зажмурилась, но полицейская машина пронеслась мимо. Она переключала рычаг в разные положения, медленно отпуская тормоз, пока после нескольких попыток не нашла заднюю передачу.

Она ничего не видела через затемненные стекла, когда сдавала задом по песчаной дорожке. Кузов царапали ветки и колючие кусты. Колеса пикапа налетели на бордюр, и Энди криво выехала на Бичвью-драйв.

Проделав те же манипуляции с рычагом, она двинулась вперед. Передние фары были выключены. В предрассветной темноте она никак не могла найти нужную кнопку, чтобы их включить. Обе ее руки крепко сжимали руль. Голова вжалась в плечи. У нее было такое чувство, будто она сейчас сорвется со скалы.

Она проехала мимо дороги, ведущей к дому Гордона. В конце улицы виднелись мигающие проблесковые маячки полицейской машины. Энди ускорила, чтобы ее не заметили. И поняла, что ее и не могут заметить, потому что выключены не только передние фары и внутреннее освещение. Нажав на тормоз, она глянула в зеркало заднего вида. Задние фары тоже не горели.

Это нехорошо.

Одно дело – закрыть все источники света, когда готовишься сделать что-то плохое, но когда уже сделал что-то плохое и пытаешься выбраться, а дороги кишат полицейскими, ехать

с выключенными фарами – это как написать слово «ВИНОВЕН» у себя на лбу.

Покинуть Белль-Айл, как и попасть в него, можно было по единственному мосту. Пока Энди, подсвеченная отраженными от воды солнечными лучами, будет пытаться улизнуть из города, навстречу ей будут мчаться полицейские машины из Саванны.

Она свернула на парковку – как оказалось, у того же белль-айлского молла. Выбралась из пикапа и обошла его сзади. Задние фары были закрыты какой-то плотной черной лентой. Энди подцепила краешек и поняла, что это вовсе не лента, а кусок магнитного листа. На второй фаре был точно такой же.

Листы со скругленными углами были ровно такого размера, чтобы закрыть стоп-сигналы и фонари заднего хода.

Мозг Энди в тот момент не был способен понять, что все это значило. Она кинула магнитные листы в багажник и вернулась за руль. Сорвала картон с приборной панели. Как и магниты, он был обрезан ровно до нужного размера. Черной бумагой были заклеены и магнитола, и кнопки с подсветкой на консоли.

Она нашла, как включить передние фары. Отъехала от торгового центра. Ее сердце пульсировало где-то на уровне шеи, когда она приблизилась к мосту. Она затаила дыхание. Переехала мост. Других машин на дороге не было. Не было их и на повороте.

Набирая скорость перед выездом на шоссе, она заметила, как к мосту несутся три полицейских машины из Саванны с мигающими проблесковыми маячками, но выключенными сиренами.

Наконец Энди выдохнула.

На дороге ей встретился знак:

МЕЙКОН 170

АТЛАНТА 248

Энди проверила бензин. Бак был полон. Она попытается проделать более чем четырехчасовой путь до Атланты без остановок и купит карту на первой же заправке, которая ей попадется. Она понятия не имела, насколько далеко оттуда находится Карроллтон и как она найдет склад «Гет-эм-го» рядом с «Уолмартом».

«Номер секции – это день твоего рождения. Один-двадцать. Повтори».

– Один-двадцать, – произнесла Энди и вдруг задумалась. День ее рождения был вчера, двадцатого августа.

Почему Лора сказала, что она родилась в январе?

Энди ездила туда и обратно по дороге, которая, похоже, была главной улицей Карроллтона. Она быстро нашла «Уолмарт», но, в отличие от «Уолмарта», над складом «Гет-эм-го» не висела огромная светящаяся вывеска, которую видно с шоссе.

Путь через Атланту был утомительным и, что самое обидное, ненужным. Энди чуть не поддалась соблазну воспользоваться навигатором в машине, но в конце концов решила следовать указаниям Лоры. Она купила складную карту Джорджии, как только оказалась в черте города. Дорога от Белль-Айл до Карроллтона заняла бы у нее где-то четыре с половиной часа. Но поскольку Энди проехала Атланту насквозь, причем в утренний час пик, прошло шесть часов, прежде чем она добралась до «Уолмарта». У нее начали буквально закрываться глаза, так что она была вынуждена подремать пару часов на парковке.

Как люди находили нужные места до появления интернета?

Самым очевидным ответом казались «Желтые страницы», но поблизости не было ни одной телефонной будки. Энди уже спросила дорогу у охранника «Уолмарта». Она чувствовала, что спрашивать всех подряд – слишком опасно. Кому-то это может показаться подозрительным. Кому-то мо-

жет прийти в голову позвонить в полицию. У нее нет с собой водительских прав или страховки. Ее промокшие под дождем волосы высохли и превратились в лохматое гнездо. Она за рулем угнанной машины с флоридскими номерами, а одета как подросток, который проснулся в незнакомой постели во время весенних каникул.

Энди в такой панике добиралась до Карроллтона, что даже не задалась вопросом, зачем вообще мать послала ее сюда. Что хранится на этом складе? Зачем Лоре этот спрятанный в рамке ключ, телефон-раскладушка и деньги и что Энди обнаружит в «Гет-эм-го», если все-таки его найдет?

Этот вопрос стал терять всякое значение после часа поисков. Карроллтон не был глухим захолустьем, но кипящим жизнью мегаполисом его тоже нельзя было назвать. Энди подумала, что лучшим решением будет просто ездить кругами по городу в поисках своей цели, но теперь беспокоилась, что может не найти ее никогда.

Библиотека.

Энди словно по голове ударили. Она проезжала мимо этого здания по крайней мере пять раз, и только сейчас у нее выстроилась логическая цепочка. В библиотеках есть компьютеры и, что самое важное, анонимный выход в интернет. Как минимум, она сможет понять, где находится «Гет-эм-го».

Энди резко развернулась на сто восемьдесят градусов и вырулила на поворотную полосу, ведущую к библиотеке. Большие шины запрыгнули на тротуар. У нее была возмож-

ность выбрать место на парковке, так что она поехала в дальний конец. На стоянке было всего два автомобиля, оба – старые драндулеты. Она решила, что это машины работников библиотеки. Здание было маленьким – наверное, не больше бунгало ее матери. Табличка рядом со входом гласила, что библиотека открывается в 9 часов.

Восемь минут.

Энди внимательно смотрела на приземистое строение, на четкие края красной кирпичной кладки и зернистые поры цементного раствора. Ее зрение странно обострилось. Во рту у нее по-прежнему было сухо, но руки уже не тряслись, и из груди ушло ощущение, будто сердце вот-вот взорвется. Стресс и усталость последних дней нагнали ее в районе Мейкона. Сейчас Энди почти ничего не чувствовала.

Она не испытывала сожалений.

Даже когда она думала о жутких последних секундах жизни Капюшона, то не могла отыскать в себе ни крупинки жалости к человеку, который пытал ее мать.

Но кое-что Энди все же испытывала – вину за отсутствие сожалений.

Ей вспомнилось, как много лет назад один ее приятель из колледжа заявил, что на убийство способны все. Энди молча злилась на него за это обобщение, потому что если бы на убийство действительно были способны все, то на свете не существовало бы такой вещи, как изнасилование. Подобные дурацкие вопросы из серии «А что, если?» часто обсуждают

на вечеринках в колледже: а что, если тебе пришлось бы защищаться? смог бы ты кого-то убить? сумел бы сделать это? Парни всегда отвечали «да», потому что им с детства вбивали в голову отвечать «да» на все. Девушки обычно уклонялись от ответа, наверное, потому, что статистически вероятность подвергнуться нападению для них была в миллиард раз больше. Когда очередь неизбежно доходила до Энди, она всегда отшучивалась и говорила, что забьется в угол и будет ждать смерти, что она в итоге и сделала в дайнере.

Но на кухне у матери Энди не затаилась. Может быть, все иначе, когда угрожают тому, кого любишь? Может, это заложено генетически.

Склонность к самоубийству передается по наследству. А к убийству тоже?

Что Энди очень хотелось бы узнать, это как выглядело ее лицо. В тот момент, когда она пинком распахнула дверь кабинета и замахнулась сковородкой, она не думала ни о чем, в ее голове не было буквально ни одной мысли. Мозг был заполнен чем-то вроде белого шума. Сознание полностью утратило связь с телом. Она не думала о собственной безопасности. Она не думала о жизни или смерти матери. Она просто действовала.

Машина для убийств.

У Капюшона было имя. Она заглянула в его водительские права, прежде чем выкинуть его бумажник в залив.

Сэмюэл Годфри Беккет; адрес проживания – Нептун

Бич, Флорида; дата рождения – 10 октября 1981 года.

Момент с Сэмюэлом Беккетом ее покорила, потому что существование Капюшона за пределами кабинета Лоры из-за этого имени начало обретать форму. Один из его родителей был поклонником ирландской авангардной поэзии. Почему-то это делало его жизнь даже более конкретной и осязаемой, чем татуировка с именем «Мария». Энди живо представила, как мать Капюшона, сидя на веранде и наблюдая рассвет, спрашивает сына: «А знаешь, в честь кого я тебя назвала?» – точно так же, как Лора постоянно рассказывала Энди историю об исчезнувшей из ее имени букве «А».

Энди отогнала этот образ.

Ей пришлось напомнить себе, что Сэмюэл Годфри Беккет был, по выражению детектива Палаццо, *плохим парнем*. Скорее всего за свою жизнь Сэмюэл, или Сэм, или Сэмми, сделал много плохого. Никто не закрывает задние фары и всю подсветку в салоне автомобиля просто из прихоти. Такие вещи делаются преднамеренно и со злым умыслом.

И скорее всего за такой профессиональный подход кто-то платит.

Девять часов. Библиотекарша открыла дверь и помахала Энди, приглашая ее зайти.

Энди помахала в ответ, потом подождала, пока женщина зайдет внутрь, и достала из-под пассажирского сиденья черную косметичку. Расстегнула молнию. Проверила, полнотью ли заряжена батарея телефона. Пропущенных звон-

ков не было. Она захлопнула телефон и пихнула его обратно к карточке, ключу и толстой стопке двадцаток.

Она пересчитала свою заначку в Атланте. Всего одна тысяча шестьдесят один доллар, чтобы протянуть столько, сколько понадобится, пока не зазвонит телефон и ее мать не скажет ей, что можно возвращаться домой.

Энди поразила мысль, что теперь ей придется вести какой-то бюджет. Бюджет в смысле Гордона. А не бюджет в смысле Энди, ведение которого состояло из молитв о том, чтобы деньги появились из воздуха. Возможности заработать еще у нее нет. Она не сможет устроиться на работу, не засветив свой номер социального страхования, и потом неизвестно, на какой срок ей понадобится работа. И тем более непонятно, для какой работы могут пригодиться ее опыт и навыки в таком месте, как Айдахо.

«После Карроллтона поезжай дальше на северо-запад... Чем дальше, тем лучше, куда-нибудь в Айдахо».

Откуда у матери вообще взялась эта идея? Помимо Джорджии, Энди была только в Нью-Йорке, Флориде и обеих Каролинах. Она ничего не знала об Айдахо, кроме того, что там, кажется, много снега и совершенно точно много картошки.

Одна тысяча шестьдесят один доллар.

Бензин, еда, гостиницы.

Энди застегнула косметичку. Вышла из машины. Оттянула вниз нелепую футболку, которая была ей явно мала и

смотрелась так же привлекательно, как пищевая пленка на размякшей картошке фри. Ее шорты задеревенели от соленого воздуха. Ноги болели так, что она хромила. На голени был непонятно откуда появившийся порез. Ей нужно было в душ. Ей нужны были пластыри, нормальная обувь, длинные брюки, футболки, нижнее белье... Такими темпами тысяча с лишним баксов улетит за несколько дней.

Она попыталась мысленно все рассчитать, пока шла к библиотеке. От одной из бывших соседок по квартире она знала, что на машине от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса – четыре с половиной тысячи километров. Айдахо был где-то в верхней левой части Соединенных Штатов – у Энди было хреново с географией, – но он определенно был на северо-западе.

Если бы Энди надо было угадать, она предположила бы, что расстояние между Джорджией и Айдахо примерно такое же, как между Нью-Йорком и Калифорнией. Без малого триста километров от Белль-Айл до Мейкона она проехала за два с половиной часа, так что по логике ей предстояло примерно двенадцать дней езды, одиннадцать ночей в дешевых мотелях, плюс еда трижды в день, плюс бензин, чтобы ехать дальше, плюс еще какие-то предметы первой необходимости...

Энди замотала головой. До Айдахо правда ехать двенадцать дней?

С математикой у нее тоже было хреново.

– Доброе утро, – сказала библиотекаряша. – Горячий кофе

там в углу.

– Спасибо, – пробормотала Энди, испытывая чувство вины, потому что она не платит налоги в местный бюджет, так что технически не имеет права бесплатно пользоваться здесь чем-либо. Но все же она налила себе чашку кофе и села за компьютер.

Сияние экрана подействовало на нее удивительно успокаивающе. Она целую ночь не держала в руках телефон или айпад. Энди не осознавала, сколько времени тратит, слушая Спотифай, проверяя Инстаграм и Снэпчат, читая блоги и проходя тесты «Какой твой факультет в Хогвартсе?», до тех пор пока не оказалась лишена привычных гаджетов.

Она уставилась на экран компьютера. Глотнула кофе. Подумала о том, чтобы написать имейл отцу. Или позвонить ему. Или отправить ему бумажное письмо.

«Если ты свяжешься с ним, они узнают. Они отследят звонок и найдут тебя».

Энди поставила чашку на стол. Набрала в поисковике «Гет-эм-го Карроллтон Джорджия» и кликнула на карту.

Она чуть не рассмеялась.

Склад находился менее чем в сотне метров от библиотеки. Она поняла это, потому что их разделяло школьное футбольное поле. Энди могла дойти туда пешком. Она проверила часы работы склада на сайте «Гет-эм-го». Верхний баннер сообщал, что склад открыт круглосуточно, но в другом месте было написано, что офис работает с десяти до шести.

Энди посмотрела на часы. У нее было пятьдесят минут.

Она снова открыла гугл-карты и построила автомобильный маршрут из Джорджии в Айдахо. Три тысячи семьсот километров. Тридцать часов езды, а не двенадцать дней: неспроста ей пришлось пройти курс алгебры дважды. Она выбрала пункт «Напечатать» за секунду до того, как ее мозг подсказал ей, что лучше этого не делать. Энди нажала на «Отменить». В библиотеке берут десять центов за печать одной страницы, но не в деньгах дело. Ей пришлось бы идти к стойке и просить распечатку, а в этом случае библиотекарьша могла бы заметить, что она едет в Айдахо.

А значит, какой-нибудь мужик типа Капюшона, с магнитными листами на задних фарах и картоном на приборной панели, мог бы спросить у библиотекарши, куда направилась Энди, и библиотекарша знала бы ответ.

«Они отследят звонок и найдут тебя. Звонок, имейл, что угодно».

Энди молча обдумывала предостережения Лоры. Очевидно, что *они* – это те, кто нанял Капюшона, он же Сэмюэл Годфри Беккет. Но для чего именно *они* его наняли? Капюшон сказал Лоре, что не собирается ее убивать. По крайней мере не сразу. Он сказал, что хочет испугать ее до усрачки, придушив ее пластиковым пакетом. Свои познания в области пыток Энди в основном почерпнула на «Нетфликсе». Если пытаешь не из садистских побуждений, как Пила, значит, пытаешь потому, что ты суровый парень вроде Джека Ричера и

тебе нужна информация.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.